

ДЖОН ГРИШЭМ ФИРМА

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Джон Гришэм
Фирма

John Grisham

THE FIRM

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg.

© John Grisham, 1991

© Перевод. Ю. Г. Кирьяк, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Глава 1

Оливер Ламберт, глава фирмы, уже который раз вчитывался в краткую выписку из личного дела, но так и не находил в кандидатуре Митчела И. Макдира ничего настораживающего, на бумаге, во всяком случае. Умен, честолюбив, приятной внешности. И – голоден, с его происхождением иначе и быть не может. Женат, это обязательное условие – фирма ни разу не приняла на работу юриста-холостяка. На разводы, равно как и на чрезмерное увлечение прекрасным полом, смотрели косо, не поощрялась и склонность к спиртному, а в контракте предусматривался даже тест на наркотики. Дипломированный юрист, экзамен сдал с первого раза, специализируется на налоговом законодательстве – для фирмы это было решающим. Белый – фирма не нанимает цветных. Избегать этого удастся благодаря духу корпоративности и замкнутости и тому, что фирма никогда не прибегает к публикации объявлений о найме сотрудников. Другие – да, зазывают к себе через газеты, берут цветных... Фирма же, исподволь подбирая себе людей, остается белой, как лилия. Ко всему прочему, расположена она в Мемфисе, а грамотным цветным непременно подавай Нью-Йорк, или Вашингтон, или Чикаго. Далее, Макдир – мужчина, а фирма не нанимает специалистов-женщин. Ошибку совершили только однажды, когда в середине семидесятых взяли на работу выпускницу Гарварда, оказавшуюся прямо-таки налоговым гением; она проработала в фирме четыре очень беспокойных года и погибла в автокатастрофе.

Да, по документам он смотрится неплохо. Похоже, это их лучший выбор. Собственно говоря, других перспектив в нынешнем году и не будет. Список претендентов короток: Макдир – или никто.

Ройс Макнайт, старший компаньон и управляющий делами фирмы, изучал папку с надписью: «Митчел И. Макдир – Гарвард». Досье толщиной в дюйм, отпечатанное мелким шрифтом и

сопровожденное несколькими фотографиями, подготовлено бывшими сотрудниками ЦРУ, занятыми теперь в частном детективном агентстве в Бетесде. Агентство являлось клиентом фирмы и раз в год оказывало ей подобные конфиденциальные услуги, не требуя вознаграждения. Для них это не составляло труда – покопаться в биографиях, привычках и пристрастиях ничего не подозревавших студентов-юристов. Так, к примеру, стало известно, что Макдир предпочел бы перебраться с северо-востока куда-нибудь еще, что ему сделано три предложения насчет работы: два в Нью-Йорке, одно в Чикаго, что самый высокий предложенный ему оклад составлял семьдесят шесть тысяч долларов в год, а самый низкий – шестьдесят восемь тысяч. На него был спрос. На втором курсе у него была возможность списать на экзамене по гарантийным обязательствам, но он не воспользовался ею и сдал экзамен лучше всех в группе. Два месяца назад на вечеринке в колледже ему предложили кокаин – он отказался и, когда окружающие стали пихать в ноздри белый порошок, покинул сборище. Изредка позволял себе бокал пива. Выпивка стоила денег, а их-то у него и не было, были лишь долги в виде студенческих займов на сумму двадцать три тысячи долларов. Да, он действительно был голоден.

Просмотрев папку, Ройс Макнайт улыбнулся. Этот парень – их человек.

Ламар Куин в свои тридцать два года еще не стал полноправным компаньоном. Сегодня он был приглашен сюда для того, чтобы своей молодостью и энергией помочь создать соответствующий имидж фирмы «Бендини, Ламберт энд Лок», фирмы в общем-то молодой, поскольку большинство ее компаньонов уходило от дел, не достигнув пятидесятилетнего рубежа или же едва перевалив за него. Уходили с деньгами, на которые в оставшиеся годы жизни могли позволить себе абсолютно все. Куин твердо рассчитывал стать компаньоном. Годовой доход, выражающийся шестизначной цифрой, уже сейчас гарантирован ему до конца дней. А раз так, то почему бы и не получать удовольствие от сшитых на заказ

тысячедвухсотдолларовых костюмов, которые так удобно облегают его высокую атлетическую фигуру?

Легким шагом Ламар пересек чрезвычайно дорогой гостиничный номер, налил еще одну чашечку кофе без кофеина, посмотрел на часы и перевел взгляд на двух мужчин, сидевших за столом для заседаний у окна.

В дверь постучали ровно в половине третьего. Джентльмены убрали со стола досье и другие бумаги в свои кейсы, потянулись за пиджаками. Ламар застегнул на своем пуговицу и, подойдя к двери, распахнул ее.

– Митчел Макдир? – Он широко улыбнулся, протягивая руку.

– Да.

Пожатие рук.

– Рад встретиться с вами, Митчел. Меня зовут Ламар Куин.

– Очень приятно. Зовите меня Митч.

– Отлично, Митч.

Макдир сделал шаг вперед и обвел быстрым взглядом просторный номер.

Чуть касаясь рукой плеча гостя, Ламар подвел его к столу; оба компаньона представились сами.

Встретили вошедшего на удивление радушно и тепло. Ему тут же предложили кофе и воду. Обменявшись неизбежными знаками вежливости, мужчины уселись вокруг стола.

Макдир расстегнул пиджак и скрестил ноги. В поисках работы он чувствовал себя ветераном, ему уже стало ясно, что сидящим напротив он необходим. Митч расслабился. Имея в запасе три предложения от самых престижных фирм в стране, он не очень-то нуждался в этой беседе и в самой фирме, а значит, мог себе позволить быть чуточку самоуверенным. Приехал он сюда главным образом из любопытства, ну и еще из-за теплой погоды, пожалуй.

Упершись локтями в полированную столешницу, глава фирмы Оливер Ламберт чуть подался вперед, беря на себя инициативу начать деловой разговор. Он был опытным юристом и обладал

мягким, почти профессионально поставленным баритоном. В шестьдесят один год он являлся, так сказать, дедушкой фирмы. Большую часть своего времени Ламберт посвящал тому, чтобы держать под контролем и нейтрализовывать вспышки непомерного честолюбия отдельных партнеров, может быть, богатейших законников страны. Помимо этого, он был настоящей юридической энциклопедией и постоянно консультировал более молодых коллег. На нем же лежали обязанности по подбору новых сотрудников, и именно он сейчас держал в своих руках судьбу новичка.

– Похоже, вы уже начали уставать от подобных бесед?

– Не очень. Привыкаю понемногу.

Они все согласно закивали. Да, конечно. В памяти еще не стерлись воспоминания о том, как сами они так же стояли перед работодателем, представляли справки и обливались потом от страха, что им откажут и три года умопомрачительной зубрежки окажутся прожитыми впустую. Им хорошо было понятно, в каком он сейчас состоянии. Ну ничего.

– Могу ли я задать вопрос? – обратился Митч ко всем троим.

– Безусловно.

– Конечно.

– Любой.

– Тогда скажите, почему наша беседа проходит здесь, в гостиничном номере? Другие фирмы проводили встречи в университетском городке при участии службы распределения.

– Хороший вопрос.

Трое мужчин переглянулись и вновь кивнули. Хороший вопрос.

– Я постараюсь ответить вам, Митч. – Это был Ройс Макнайт, управляющий. – Вам нужно понять, что представляет собой наша фирма. Мы – другие, и мы гордимся этим. У нас в штате только сорок один юрист, так что в этом плане мы вряд ли сравнимся с прочими фирмами. Берем к себе мы не многих, одного человека, скажем, раз в два года. У нас самые высокие оклады и дополнительные льготы по стране в целом, и я не преувеличиваю. Поэтому мы очень

придирчивы. И мы остановили свой выбор на вас. Письмо, которое вы получили месяц назад, было послано после того, как мы изучили досье более двух тысяч студентов-третьекурсников из лучших юридических колледжей. Такое письмо было послано только вам. Фирма не оповещает публику о вакансиях и не нанимает людей со стороны. Мы ведем себя сдержанно и придерживаемся собственного стиля. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, достаточно ясно. Каково основное направление деятельности фирмы?

– Налоги. Кое-какие ценные бумаги, недвижимость, банковское дело, но восемьдесят процентов – это налоги. Потому-то мы и хотели встретиться с вами, Митч. Мы знаем, вы сильны в этом вопросе.

– А почему вы решили податься на учебу в западный Кентукки? – вновь подал голос Ламар Куин.

– Очень просто. В качестве платы за обучение мне предложили играть в их сборной по футболу, в ином случае колледж был бы для меня недоступен.

– Расскажите нам о своей семье.

– Неужели и это важно?

– Для нас это очень важно, Митч, – мягко сказал Ройс Макнайт.

«Все они так говорят», – подумал Макдир.

– Ну так слушайте. Отец погиб в угольной шахте, когда мне было семь лет. Мать вновь вышла замуж и живет во Флориде. У меня было два брата. Расти убит во Вьетнаме. Второго брата зовут Рэй Макдир.

– А где он сейчас?

– Простите, но вас это не касается. – Он с вызывающим видом уставился на Макнайта, как бы готовясь к драке. В досье почти ничего не говорилось о Рэе.

– Извините меня. – В голосе управляющего звучало сочувствие.

– Митч, фирма расположена в Мемфисе. Вас это не беспокоит? – задал вопрос Ламар.

– Нисколько. Я не любитель холодной погоды.

– Приходилось бывать там раньше?

– Нет.

– Вы побываете у нас, и довольно скоро. Вам понравится.

Митч улыбнулся и кивнул, подыгрывая. Неужели они это серьезно? Соблазниться маленькой фирмой в захолустном городке, в то время как его ждет Уолл-стрит?

– Каким вы шли в вашей группе? – спросил мистер Ламберт.

– Входил в первую пятерку. Не в первые пять процентов, а просто в первую пятерку.

Для всех троих это было более чем понятно. Первая пятерка из трех сотен студентов. Он мог бы сказать им, что был третьим, а фактически совсем рядом с первым, но он промолчал. Ведь они, эта троица, вышли из других школ, рангом пониже: Чикаго, Колумбия, Вандербилт. Он выяснил это из беглого просмотра юридического справочника персоналий. Вряд ли они захотят детализировать вопрос успеваемости.

– Почему вы выбрали Гарвард?

– На самом деле это Гарвард выбрал меня. Я обращался в несколько университетов и отовсюду получил приглашения. Гарвард предложил более весомую финансовую поддержку. А потом, я считал, да и сейчас считаю, что здесь лучшая юридическая школа.

– У вас неплохо здесь идут дела, Митч, – заметил Ламберт, просматривая бумаги. Досье лежало в кейсе под столом.

– Благодарю вас. Я стараюсь.

– По налогообложению и ценным бумагам у вас высшие баллы.

– Для меня это наиболее интересные дисциплины.

– Мы видели ваши письменные работы, они впечатляют.

– Благодарю вас. Мне нравится исследовательская работа.

Не моргнув глазом они проглотили эту очевидную ложь.

Что ж, таков ритуал. Ни один студент-юрист, равно как и ни один специалист со стажем, будучи в здравом уме, не в состоянии получать удовольствие от так называемой исследовательской работы, или поиска, или работы с финансовой документацией, что

по сути одно и то же, хотя каждый законник-профессионал, безусловно, воспитал в себе уважение и любовь к работе с книгами.

– Расскажите нам о вашей жене, – вновь вступил Макнайт почти робко.

Они были готовы к новому отпору, но его не последовало – вопрос был стандартным, не покушающимся на святыни.

– Ее зовут Эбби. У нее диплом педагога по дошкольному воспитанию. В Кентукки мы закончили учебу одновременно и через неделю поженились. Последние три года она работает воспитателем в частном детском саду неподалеку от Бостонского колледжа.

– И ваш брак...

– Мы очень счастливы. Хорошо узнали друг друга за годы учебы.

– А кем вы были в футбольной команде? – Ламар решил на время оставить деликатную тему.

– Защитником. Выступать приходилось много, правда, до тех пор, пока я не повредил колено в последней университетской игре. Наша команда из Кентукки была сильнейшей. Я играл четыре года подряд, но вот колено так до сих пор и не пришло в норму.

– Как же вы умудрились добиться таких успехов в учебе, одновременно играя?

– На первом месте у меня всегда были знания.

– Не помню, чтобы колледж в Кентукки был среди лучших, – неосторожно бросил Ламар и пренебрежительно усмехнулся. Он тут же пожалел об этом, но было поздно. Его коллеги неодобрительно приподняли брови, давая понять, что заметили промах.

– Да, нечто вроде канзасского, – тут же услышали они ответ.

В номере воцарилась тишина, трое мужчин с недоумением посмотрели друг на друга. Этот Макдир знал, что Куин оканчивал колледж в Канзасе! Ни разу с ним не встречавшись, не имея представления о том, кто из сотрудников фирмы будет принимать участие в беседе. Но ведь знал! Видимо, вычислил его по справочнику Мартиндэйла – Хьюббелла – прочитал данные о всех юристах фирмы и в какую-то долю секунды вспомнил, что Ламар

Куин, единственный из сорока одного сотрудника, учился в Канзасе. Этот парень не промах!

- Случайно вырвалось, простите, – пришлось извиниться Ламару.
- Мелочи. – Митч дружелюбно улыбнулся.

Кашлянув, Оливер Ламберт решил вновь вернуться к основной теме беседы:

– Митч, в фирме очень прохладно относятся к тем, кто выпивает и волочит за женщинами. Мы, конечно, не святоши, но бизнес для нас превыше всего. Мы не лезем на рожон и очень много работаем. И много зарабатываем.

– Все сказанное вами меня полностью устраивает.

– Мы оставляем за собой право подвергнуть любого сотрудника фирмы тесту на наркотики.

– Я их не употребляю.

– Тем лучше. Какую религию вы исповедуете?

– Хожу в методистскую церковь.

– Отлично. В вопросах веры мы очень терпимы. В фирме работают католики, баптисты, приверженцы епископальной церкви. В общем-то это – личное дело сотрудников, но мы и об этом хотим знать. Мы стоим за прочную, стабильную семью. Когда наш юрист счастлив, он лучше работает. Вот почему мы задаем вам эти вопросы.

Митч чуть наклонил голову и улыбнулся. Нечто подобное ему уже приходилось слышать.

Мужчины переглянулись, затем их взгляды сошлись на нем. Это означало, что их беседа подошла к такому моменту, когда гостю позволялось задать высокому синклиту один-два вежливых вопроса. Митч уселся поудобнее. Вопрос номер один – деньги, необходимо же сравнить их предложение с уже имеющимися. Если сумма его не устроит, подумал Митч, то, что ж, приятно было познакомиться с вами, господа. А вот если оклад подойдет, тогда он будет готов беседовать с ними о семье, женитьбе, о футболе и Боге. Из собственного опыта он знал, что, подобно другим фирмам, эти тоже

будут долго ходить вокруг да около, пока всем не станет неловко и других тем для беседы не останется. Ладно, лучше сначала задать вопросик полегче.

– С чего мне предстоит начать работу в вашей фирме?

Вопрос им понравился. Ламберт и Макнайт повернулись к Ламару – отвечать должен был он.

– Первые два года вы будете как бы стажером, хотя это называется у нас иначе. Вас будут посылать в командировки по всей стране для участия в семинарах по налогообложению. Учиться вам придется много. Зимой следующего года вы проведете пару недель в Вашингтоне, в институте налогообложения. У нас есть все основания гордиться нашими экспертами, поэтому постоянная учеба обязательна для каждого сотрудника. Если захотите защитить диссертацию по налогам, фирма оплатит все расходы. Что касается практической деятельности, то в эти первые два года не ждите чего-то необычного. Много работы с документами и рутинных дел. Но платить вам будут хорошо.

– Сколько?

Ламар взглянул на Макнайта, не сводившего глаз с Митча.

– Вопрос об окладе и дополнительных льготах мы обсудим, когда вы приедете в Мемфис.

– Я хочу услышать хотя бы приблизительную цифру, в противном случае поездка в Мемфис может и не состояться. – Макдир усмехнулся мягко, но все же чуть высокомерно. Он говорил как человек, которому сделали не меньше трех блестящих предложений.

Компаньоны обменялись понимающими улыбками. Первым заговорил Ламберт:

– О'кей. В первый год – основной оклад восемьдесят тысяч долларов плюс премии. На следующий год – оклад восемьдесят пять тысяч плюс премии. Льготный низкопроцентный заем на покупку дома. Членство в двух клубах. И новый «БМВ». Цвет, конечно, выберете сами.

Они впились глазами в его губы, против воли растягивающиеся в улыбку.

– Это невысказано, – пробормотал Митч.

Восемьдесят тысяч в Мемфисе равнялись ста двадцати тысячам в Нью-Йорке. Да еще «БМВ»!

Спидометр его фургончика-«мазды» накрутил уже десятки тысяч миль, а сама машина сейчас стояла на приколе в ожидании, пока он накопит достаточно денег на новый стартер.

– И еще кое-какие льготы, которые мы с радостью обсудим, когда вы приедете в Мемфис.

Внезапно ему очень захотелось съездить в Мемфис. Кажется, там есть какая-то река?

Ему удалось собраться, лицо посерьезнело. Строго и значительно глядя на Оливера Ламберта, как бы позабыв о деньгах, о доме и «БМВ», он попросил:

– Расскажите мне о вашей фирме.

– У нас работает сорок один юрист. В прошлом году в пересчете на одного работающего мы получили доход больший, чем любая другая фирма, пусть даже и более крупная. Включая и самые известные в стране. У нас исключительно богатая клиентура: корпорации, банки и люди, которые в состоянии платить высокие гонорары и не жаловаться на это. Мы специализируемся на международном налогообложении, это очень интересно и не менее выгодно. Мы имеем дело только с теми, кто может платить.

– Сколько времени уходит у сотрудника на то, чтобы стать компаньоном фирмы?

– В среднем около десяти лет, и это десять лет напряженного труда. Считается обычным, когда компаньон зарабатывает полмиллиона в год и уходит на пенсию еще до пятидесяти. Безусловно, они тоже что-то дают фирме. В вашем случае – это восьмидесятичасовая рабочая неделя, однако партнерство в фирме стоит таких усилий.

Ламар чуть подался вперед:

– Но чтобы зарабатывать шестизначные суммы, вовсе не обязательно дожидаться партнерства. Я работаю в фирме семь лет, а стотысячный рубеж перешагнул четыре года назад.

Митч задумался на мгновение и быстро подсчитал, что к тридцати годам он может зарабатывать гораздо больше ста тысяч в год, скорее, ближе к двумстам. К тридцати годам!

Они не спускали с него глаз, зная наверняка, что именно он подсчитывает в уме.

– Чем фирма, специализирующаяся на международном налогообложении, занимается в Мемфисе?

Вопрос вызвал улыбки. Ламберт снял очки и стал крутить их в руках.

– Хороший вопрос! Фирму основал мистер Бендини в 1944 году. Он был юристом, занимался налогами в Филадельфии, имел несколько богатых клиентов с Юга. Потом ему пришло в голову обосноваться в Мемфисе. В течение двадцати пяти лет он не нанимал никого, кроме профессионалов в налоговом законодательстве, и фирма процветала. Мы тоже все люди приезжие, но Мемфис успели полюбить. Это очень приятный старый южный город. А мистер Бендини умер в семидесятом году.

– Сколько в фирме компаньонов?

– Активных – двадцать. Мы стараемся поддерживать соотношение один компаньон – один сотрудник. Для промышленности это, может, и высоковато, но нас устраивает. И потом, у нас свой подход.

– Все наши компаньоны к сорока пяти становятся мультимиллионерами, – добавил Ройс Макнайт.

– Все?

– Именно так, сэр. Мы не можем этого гарантировать, но если вы придете к нам, проработаете десять трудных, напряженных лет, станете компаньоном, проработаете еще десять лет и не превратитесь к сорока пяти годам в мультимиллионера, вы окажетесь первым за последние двадцать пять лет.

– Ваша статистика впечатляет.

– Впечатляет наша фирма, Митч, – подхватил Ламберт, – и мы все гордимся ею. Нас мало, и мы привыкли заботиться друг о друге. Между нами нет смертельной конкурентной борьбы, которой прославились крупные фирмы. Мы очень осторожны в выборе тех, кого нанимаем, и стремимся, чтобы каждый новый сотрудник как можно быстрее стал компаньоном. Именно поэтому мы не жалеем времени и денег – ни на самих себя, ни, в особенности, на наших новых сотрудников. Редко, крайне редко случается, чтобы юрист уходил из фирмы. Мне, собственно, и не приходилось о таком слышать. Мы всеми силами способствуем карьере молодого сотрудника. Мы хотим, чтобы наши люди были счастливы. В фирме считается, что это наиболее выгодный способ строить взаимоотношения.

– Вот еще немного впечатляющей статистики, – добавил Макнайт. – В прошлом году текучесть кадров для фирм нашего масштаба или больших составила в среднем двадцать восемь процентов. А у «Бендини, Ламберт энд Лок» – ноль. В позапрошлом году – ноль. Много воды утекло с тех пор, когда из нашей фирмы кто-либо уходил.

Внимательнейшим образом продолжали они изучать его, им нужно было увериться в том, что информация не только дошла до него, но и была им адекватно воспринята. Каждый момент беседы, каждый вопрос были очень важны для них, однако прежде всего требовалось установить, понял ли этот молодой человек, осознал ли, что если он примет их предложение, то это решение будет бесповоротным, окончательным. Видит Господь, то, что можно было объяснить ему сейчас, они объяснили. Позже придет время и для другой информации.

Безусловно, знали они гораздо больше, чем могли ему сказать. Они знали, например, что его мать живет в легковом прицепе на городском пляже города Панамы вместе со своим новым мужем – вышедшим на пенсию водителем-алкоголиком. Знали, что она

получила сорок одну тысячу долларов страховки за погибшего первого мужа, промотала большую часть, а после того как ее старший сын был убит во Вьетнаме, немного тронулась. Им также было известно, что воспитанием Митча никто не занимался, рос он в нищете и на ноги его поднимал брат Рэй (которого они никак не могли найти) и какие-то сердобольные родственники. Нищета ранит душу и заставляет человека отчаянно стремиться к успеху. Отличную учебу и игру в футбол Митчу приходилось совмещать с работой в ночном магазинчике – тридцать часов в неделю. Они знали, что он привык мало спать. Знали, что он был голоден. Он был их человеком.

– Вы приедете к нам? – спросил его Оливер Ламберт.

– Когда?

В этот момент он думал о черном «БМВ-318» с откидным верхом.

Старушка «мазда» с тремя вмятинами на кузове, с покрытым трещинами ветровым стеклом стояла на склоне в канаве с вывернутыми на сторону передними колесами – чтобы не скатилась. Эбби сунула руку в окно дверцы и открыла ее изнутри, дважды сильно дернув.

Уселась, вставила ключ зажигания, нажала на педаль сцепления, выровняла колеса. «Мазда» начала медленно сползать со склона. Почти не дыша, Эбби сидела, закусив губу, и ждала, когда оживет двигатель.

С предложениями от трех известных фирм до нового автомобиля оставалось всего четыре месяца. Ничего страшного, она подождет. Ведь жили же они целых три года в полной нищете в крошечной двухкомнатной квартирке университетского кампуса, стоянки которого были забиты «порше» и спортивными «мерседесами».

Большей частью они держались в стороне от однокашников мужа и ее коллег по работе – студенческий городок был бастионом снобизма на восточном побережье. Кто они для окружающих –

деревенщина из Кентукки, друзей нет. Но они выжили и были счастливы.

Чикаго ей нравился больше, чем Нью-Йорк, пусть даже и оклад там пониже, зато подальше от Бостона и поближе к Кентукки. А вот Митч что-то темнил, различные варианты просчитывал и взвешивал сам, с ней же почти не делился. Посетить Чикаго или Нью-Йорк вместе с мужем ее не приглашали. Эбби устала гадать. Ей хотелось услышать наконец ответ.

В нарушение правил она опять-таки припарковала машину на склоне; до дома ей нужно было пройти пару кварталов. Их квартира была одной из тридцати, расположенных в двухэтажном доме, сложенном из красного кирпича.

Стоя у двери, Эбби копалась в сумочке в поисках ключа. Дверь неожиданно распахнулась, Митч буквально втащил ее внутрь, повалил на кушетку и набросился с поцелуями. Она успела только вскрикнуть и рассмеяться; ноги и руки ее нелепо болтались в воздухе. Они целовались и обнимались долго, так же, как делали это, будучи подростками: минут по десять, с ласками и стонами, когда поцелуй был развлечением, таинством и высшим наслаждением.

– Боже мой, – проговорила она, когда они насытились, – это по какому же случаю?

– Чувствуешь, как пахнет?

Она посмотрела по сторонам, повела носом.

– Да, только не пойму чем.

– Это жареная лапша с курятиной и тушеные яйца. От Вана.

– Хорошо, но все же что случилось?

– Плюс еще бутылочка не самого дешевого шабли. Закупорена настоящей пробкой, а не пластмассовой.

– Что все это значит, Митч?

– За мной! – скомандовал он.

На небольшой кухонный стол, прямо среди блокнотов и журналов наблюдений за детьми, он водрузил большую бутылку вина и пакет с обедом из китайского ресторанчика. Пока Эбби разбирала кавардак

на столе, Митч открыл бутылку и наполнил два пластиковых стаканчика.

– Ну и беседу провел я сегодня!

– С кем?

– Помнишь ту фирму из Мемфиса? Месяц назад я получил от них письмо.

– Помню. Не очень-то она тебя тогда впечатлила.

– То-то и оно. Я впечатлен – больше некуда. Они занимаются налогами и платят неплохие деньги.

– Насколько неплохие?

Он медленно вывалил из пакета на тарелки лапшу, достал крошечную бутылочку с соевым соусом. Она терпеливо ждала. Не спеша Митч раскрыл другой пакет, с яйцами. Сделал глоток вина, провел языком по губам.

– Сколько? – повторила Эбби.

– Больше, чем в Чикаго. Больше, чем на Уолл-стрит.

Она медленно, осторожно пригубила вино, глядя на мужа с недоверием. Глаза сузились и сверкали, на лбу пролегли озабоченные морщинки.

– Сколько?

– Восемьдесят тысяч в первый год работы плюс премии. Восемьдесят пять тысяч на следующий год плюс премии. – Он небрежно выговаривал слова, разглядывая листики сельдерея в тарелке с лапшой.

– Восемьдесят тысяч, – как эхо повторила она.

– Восемьдесят тысяч, детка. Восемьдесят тысяч долларов в Мемфисе, штат Теннесси, примерно то же самое, что сто двадцать в Нью-Йорке.

– Кому нужен Нью-Йорк?

– Плюс низкопроцентный заем для покупки дома.

Это слово – заем – давно уже не звучало в их разговорах. Эбби, собственно, и припомнить даже не могла, когда они в последний раз говорили о собственном доме или о чем-то подобном. Само собой

разумелось, что они снимут какое-то жилье и, может быть, когда-нибудь, в необозримом будущем, когда они добьются положения и богатства, смогут подумать о такой серьезной вещи, как заем.

Она поставила стакан на стол и сказала скучным голосом:

– Я не расслышала.

– Низкопроцентный заем. Фирма ссужает нас суммой, достаточной для покупки дома. Им очень важно, чтобы их сотрудники выглядели процветающими, поэтому процент будет невелик.

– Ты имеешь в виду дом? С лужайкой вокруг и зеленью?

– Именно. Я говорю не о баснословной квартире в Манхэттене, а о домике с тремя спальнями, в зеленом пригороде, с бетонной дорожкой и гаражом на две машины, где будет стоять наш «БМВ».

И вновь до ее сознания не сразу дошел смысл сказанного.

– Какой «БМВ»? Чей?

– Наш, детка, наш «БМВ». Фирма сдает нам в аренду новый «БМВ» с ключами. Ну, нечто вроде аванса. А это стоит пяти тысяч в год. И мы выбираем цвет, конечно. Я предпочел бы черный. Что скажешь?

– Никаких драндулетов, никаких полуфабрикатов и никакого готового платья, – мечтательно протянула она и медленно покачала головой.

Набив рот лапшой, Митч смотрел на нее и улыбался. Он-то знал, как давно она грезилась о мебели, о хороших обоях, о бассейне перед домом. И о детишках: маленьких, темноглазых, с русыми головками.

– Будут еще и другие льготы.

– Не понимаю, Митч, почему они так щедры.

– Я их тоже спросил об этом. Они очень придирчивы и чертовски горды тем, что платят по максимуму. Они хотят иметь только лучшее и потому не скупаются. Текучесть кадров у них равна нулю. А потом, я думаю, заманить профессионала в Мемфис действительно стоит дороже.

– Это и к дому будет ближе, – произнесла Эбби, не глядя на мужа.

– У меня дома нет. Будет ближе к твоим родителям, и это меня беспокоит.

Она пропустила его слова мимо ушей, как и большую часть того, что он говорил о ее семье.

– Зато ты будешь ближе к Рэю.

Он кивнул, впился зубами в сдобную булочку и представил, как к ним впервые приедут ее родители: вылезают из старенького «кадиллака» и обмирают при виде особняка в колониальном стиле с гаражом на две машины. Они будут задыхаться от зависти и негодовать при мысли о том, что безродный муж их дочери в свои двадцать пять лет, только с университетской скамьи – подумать только! – и в состоянии позволить себе все это. Будут расточать лживые улыбки и комплименты, а потом тесть, мистер Сазерленд, не выдержит и спросит, во что обошелся дом. В ответ Митч посоветует ему не совать нос в чужие дела, и старик совсем взбеленится. Через пару дней ее предки вернутся в Кентукки, и все в их округе узнают, как блестяще идут дела у их дочки и зятя в Мемфисе. Эбби, конечно, огорчится, что они никак не могут поладить, но плакать не станет. С самого начала они относились к нему как к прокаженному. Он был настолько ниже их по положению, что даже свадьбу собственной дочери они не удостоили своим присутствием.

– Ты была когда-нибудь в Мемфисе?

– Давно, еще маленькой девчонкой, на каком-то церковном празднике. Помню только реку.

– Они приглашают нас приехать.

– Нас! Ты хочешь сказать, что и меня тоже?

– Да. На этом особенно настаивают.

– Когда?

– Через пару недель. Вылетим в четверг, чтобы провести там весь уик-энд.

– Мне нравится эта фирма.

Глава 2

Пятиэтажное здание было построено сто лет назад хлопковым торговцем и его сыновьями, после Гражданской войны Севера и Юга, когда в Мемфисе начала возрождаться деловая жизнь. Оно стояло в самом центре Франт-стрит, неподалеку от реки. Через него прошли миллионы тюков хлопка, закупленного в Миссисипи и Арканзасе для продажи по всему миру. Потом долгое время оно стояло опустевшим и заброшенным, после Первой мировой войны фасад его время от времени подкрашивали – все-таки центр города, а в 1951 году его приобрел в собственность энергичный юрист Энтони Бендини. Он отремонтировал здание заново и открыл в нем свою контору, а само здание переименовал в Бендини-билдинг.

Бендини пестовал дом, как нежная мать потакает причудам своего дитяти; год от года строение становилось все роскошнее. Стены были упрочнены, двери и окна опечатывались, вооруженная охрана обеспечивала безопасность сотрудников и имущества. Здание оборудовали лифтами, системой электронной сигнализации, кодовыми замками и телемониторингом. Были отведены помещения для сауны, раздевалки и комнаты для взвешивания; обедали компаньоны фирмы в специальной столовой на пятом этаже, откуда открывался прекрасный вид на реку.

За двадцать лет Бендини сделал свою фирму самой богатой и, безусловно, самой надежной в Мемфисе. Он был помешан на скрытности и конфиденциальности. Каждому новому сотруднику исподволь прививалось сознание того, что нет большего греха, чем распущенность языка. Конфиденциальным было все: оклады и дополнительные доходы, продвижение по службе и, превыше всего, клиентура. Разглашение информации – любой информации – о фирме, и об этом особенно предупреждали новичков, ставило под угрозу осуществление лелеемой мечты: партнерства. Каждый новый сотрудник надеялся в конце концов стать компаньоном фирмы.

Поэтому за стены крепости на Франт-стрит не выходило ни слова. Жены не задавали вопросов или выслушивали ложь. От сотрудников требовалось напряженно работать, всегда сохранять выдержку и жить счастливо на те деньги, которые они за это получали. Все так и делали. Все без исключения.

Со своим штатом из сорока одного человека фирма была четвертой по величине в Мемфисе. Работавшим в ней людям не требовалась реклама или любая другая шумиха, они жили кланом и братских отношений с коллегами из других фирм не поддерживали. Жены их ходили в магазины, играли в теннис и бридж тоже только между собой. Фирма «Бендини, Ламберт энд Лок» была во всех смыслах большой семьей. И очень богатой.

В десять утра в пятницу у здания на Франт-стрит остановился принадлежащий фирме лимузин, и из него вышел мистер Митчел И. Макдир.

Вежливо поблагодарив водителя, он проводил взглядом отъехавшую машину. Первый раз в жизни он ехал в лимузине.

Митчел стоял у фонарного столба и рассматривал оригинальное, чуть даже вычурное, но тем не менее внушительное здание фирмы. Ничего общего со стальными и стеклянными громадами Нью-Йорка, где обитает тамошняя элита, или с циклопическим цилиндром в десятки этажей, который он посетил, будучи в Чикаго. Здание ему нравилось. Не такое претенциозное, оно было проще и больше соответствовало его вкусу.

В дверях появился Ламар Куин и начал спускаться по лестнице навстречу, выкрикивая приветствия и приглашая войти. Накануне вечером он встретил Митча и Эбби в аэропорту и отвез их в «Пибоди», или, как он сказал, «Гранд-отель Юга».

– Доброе утро, Митч, как спалось?

Они обменялись дружеским рукопожатием.

– Отлично. Отель просто замечательный.

– Мы так и думали, что вам понравится. «Пибоди» нравится всем.

Мужчины вошли в вестибюль, где небольшой транспарант приветствовал Митчела И. Макдира, гостя дня. Безукоризненно одетая, но не очень привлекательная секретарша, тепло улыбнувшись, назвалась Сильвией и сказала, что со всеми своими пожеланиями, пока будет в Мемфисе, мистер Макдир должен обращаться к ней. Митч поблагодарил.

Ведя его по длинному коридору, Ламар объяснял гостю планировку здания, представлял секретаршам и младшему юридическому персоналу. В это время в главном зале библиотеки на втором этаже вокруг громадного круглого стола сидела группа людей, занятых кофе, пирожными и разговорами. Когда двери распахнулись и Ламар ввел Митчела, голоса смолкли.

Обменявшись с Митчем приветствиями, Оливер Ламберт представил его присутствующим. Их было человек двадцать, почти все сотрудники, причем большинство выглядели не намного старше Митча. Компаньоны, объяснил Ламар, встретятся с ними позже, во время обеда. Ламберт призвал всех к тишине.

– Джентльмены, это Митчел Макдир. Вы все слышали о нем, и вот он перед вами. Он наш единственный кандидат, так сказать, лидер гонки. Его соблазняют различные шишки в Нью-Йорке, Чикаго и бог знает где еще, поэтому нам нужно очень постараться, чтобы он предпочел им нашу маленькую фирму.

Сидевшие за столом улыбнулись и одобрительно закивали. Гость смутился.

– Через два месяца он окончит Гарвардский университет, и окончит с отличием. К тому же он является помощником редактора университетского юридического журнала.

Это произвело впечатление, Митч заметил.

– До этого, – продолжал Ламберт, – он окончил колледж в Кентукки, и тоже с отличием. Плюс ко всему он четыре года играл в футбол, защитником.

И эта деталь не прошла незамеченной, а на некоторых лицах был написан, похоже, священный ужас, как если бы перед ними сейчас

стоял Джо Намас^[1].

Глава фирмы продолжал свой монолог, в то время как Митчел уже начинал чувствовать себя неловко. А Ламберт и не думал останавливаться, он говорил о том, каким строгим был всегда у них в фирме отбор, как замечательно соответствует мистер Макдир всем их требованиям.

Засунув руки в карманы, Митч позволил себе отвлечься и начал изучать сидящих перед ним людей. Все они выглядели молодыми, преуспевающими и состоятельными. Одеты по-деловому, строго, но в общем-то так же, как одеваются их коллеги в Нью-Йорке или Чикаго: темно-серые или темно-синие шерстяные костюмы, белые или голубые рубашки, в меру накрахмаленные, и шелковые галстуки. Ничего кричащего или непрактичного. Двое, может быть, трое были в бабочках, но дальше этого экстравагантность не шла. Чувство меры во всем. Никаких бород, усов или причесок, опускающихся на уши. Несколько лиц показались ему занудливыми, но приветливых и дружелюбных было большинство.

Ламберт между тем заканчивал:

– Ламар проведет нашего гостя по кабинетам, так что у вас будет возможность поболтать с ним. Будем гостеприимны! Сегодня вечером Митч со своей очаровательной женой ужинает в «Рандеву», вы знаете, свиные ребрышки, а завтра, конечно же, обед от имени фирмы у меня дома. Прошу всех вас помнить о хороших манерах! – Он с улыбкой посмотрел на Митчела. – Митч, если Ламар тебя утомит, дай мне знать, мы найдем кого-нибудь половчее.

Митч пожимал руку каждому из сотрудников, которые один за другим потянулись к двери, и пытался запомнить как можно больше имен.

– Начнем, пожалуй, нашу экскурсию, – обратился к нему Ламар, когда они остались вдвоем. – Это, ясное дело, библиотека, точно такие же расположены на первых четырех этажах. В библиотеках мы также проводим различные совещания. Набор книг в каждой библиотеке не повторяется, поэтому трудно бывает сказать, где ты

окажешься через два часа, это зависит от документов, с которыми ты работаешь. С книгами заняты два профессиональных библиотекаря, но мы очень активно используем микрофильмы и микрофиши. Как правило, вся исследовательская работа ведется только в стенах этого здания. Здесь более ста тысяч томов, включая все мыслимые налоговые установления, это побольше, чем во многих юридических учебных заведениях. Если тебе понадобится книга, которой здесь нет, просто скажи о ней библиотекарю.

Они прошли мимо стола для заседаний и бесконечных рядов книжных полок.

– Сто тысяч томов! – тихо пробормотал Митч.

– Да, у нас уходит около полумиллиона долларов в год на то, чтобы пополнять фонды и идти в ногу с обществом. Компаньоны всегда брюзжат по этому поводу, но ни у кого и мысли не возникает сэкономить на этом. Наша библиотека – одна из крупнейших среди частных юридических библиотек в стране, мы гордимся ею.

– Она этого заслуживает.

– Фирма всеми мерами старается облегчить поиск информации. Ты и сам знаешь, какая это тоска и сколько времени можно угробить, пока найдешь нужный материал. В первые два года работы тебе придется провести здесь немало времени, так вот мы старались, чтобы окружающее хотя бы не вызывало у тебя отвращения.

В дальнем углу, позади заваленного в беспорядке стола, они наткнулись на библиотекаря, который представился Митчелу, а затем кратко рассказал о компьютерном зале, где десятки машин были постоянно готовы выдать или упорядочить любое количество файлов. Библиотекарь горел желанием ознакомить гостя с новейшей программной разработкой, но Ламар обещал заглянуть позднее.

– Отличный парень, – отозвался он о служащем, когда они вышли в коридор. – Фирма платит ему сорок тысяч в год только за то, чтобы он возился с книжками. Удивительно!

«И вправду удивительно», – подумал Митч.

Второй этаж был практически точной копией первого, равно как и третьего, и четвертого. Центр каждого занимали столы секретарш, вращающиеся этажерки с папками, копировальные машины и прочая необходимая техника. По одну сторону от них располагалась библиотека, по другую вдоль коридора шли небольшие комнаты для совещаний и кабинеты.

– Ни одной мало-мальски симпатичной секретарши ты здесь не увидишь, – негромко сказал Ламар, когда они стояли и наблюдали за их работой. – Похоже, это стало у нас неписанным законом. Оливер Ламберт из кожи вон лезет, чтобы найти самых старых и непривлекательных. Уверяю, некоторые работают здесь уже по двадцать лет.

– Какие они все расплывшиеся, – тихо заметил Митч.

– Это часть общей стратегии – приучить нас не давать воли рукам. Флирт запрещен категорически, да я и не припомню ни одной попытки.

– Ну а если?

– Кто его знает. Секретаршу, конечно, выгонят. А мужчину накажут, и думаю, что строго. Это может стоить ему партнерства в фирме. Не думаю, что найдутся желающие выяснить это на собственном опыте, да еще с этими коровами.

– А одеты они отлично.

– Пойми меня правильно: мы нанимаем только специалистов своего дела и платим больше, чем любая другая фирма в городе. Перед тобой лучшие секретарши, хотя, безусловно, далеко не самые привлекательные. Нам требуются профессионализм и зрелость. Да Ламберт и не наймет никого моложе тридцати.

– Одна секретарша на каждого сотрудника?

– Да, до тех пор, пока ты не станешь компаньоном. Тогда у тебя будет и вторая, и она будет тебе необходима. У Натана Лока их три, каждая с двадцатилетним стажем, и он заставляет их бегать как девочек.

– Где его кабинет?

– На четвертом этаже. Посторонним вход туда запрещен.

Митч хотел задать вопрос, но сдержался.

Ламар объяснил ему, что угловые кабинеты, размером двадцать пять на двадцать пять футов, принадлежат только старшим компаньонам. «Кабинеты власти», назвал он их, и в его голосе слышалось волнение. Эти помещения оформлялись в соответствии с личными вкусами их владельцев, расходы тут в счет не шли. Освобождались они только в связи с уходом компаньона на отдых или после его смерти, и тогда среди более молодых партнеров начиналась борьба за право занять престижный «угол».

Ламар поколдовал над замком одного из таких кабинетов, и они вошли внутрь, закрыв за собой дверь.

– Неплохой вид, а? – сказал он, кивнув на окно.

Перед Митчем открылась панорама реки, плавно несущей свои воды вдоль набережной Риверсайд-драйв.

– Сколько же надо проработать, чтобы получить его в свое распоряжение? – спросил он, следя взглядом за баржей, проходящей под мостом в сторону Арканзаса.

– Да уж немало. Когда ты устроишься здесь, ты уже будешь богат, но так занят, что вряд ли у тебя найдется время, чтобы любоваться видом из окна.

– Кто здесь сидит?

– Виктор Миллиган. Он ведает отделом налогов, очень приятный человек. Родом из Новой Англии, но здесь живет уже двадцать пять лет, зовет Мемфис родным домом. – Сунув руки в карманы, Ламар зашагал по кабинету. – Пол и потолок здесь остались прежними, им более ста лет. Вообще-то почти все внутренние помещения покрыты коврами или другой дребеденью, но в некоторых дерево сохранилось отлично. Ковры тебе предложат на выбор, когда ты окажешься здесь.

– Я люблю дерево. А что это за ковер?

– Какой-нибудь персидский, старинный, не знаю, откуда он. Письменный стол принадлежал еще его прадедушке, какому-то

судье на Род-Айленде, так он, во всяком случае, нам говорил. Он любитель присочинить, так что трудно бывает сказать, когда он серьезен, а когда нет.

– А где он сейчас?

– Думаю, на отдыхе. Тебе что-нибудь говорили об отпусках?

– Нет.

– Первые пять лет работы ты имеешь право на ежегодный двухнедельный оплачиваемый отпуск. После этого – три недели, до тех пор, пока не станешь компаньоном, а тогда уже тебе решать, когда и на какое время идти в отпуск. В распоряжении фирмы небольшой горный отель в Вейле, охотничий домик на озере в Манитобе, ей также принадлежат два дома на Большом Каймане. Всем этим ты пользуешься бесплатно, но заказывать комнату нужно заблаговременно, желающих хватает, а компаньоны к тому же обладают правом первой очереди. А уж после них – кто не успел, тот опоздал. Наши люди предпочитают проводить отпуск на Каймановых островах. Это признанное международное убежище от налогов, и большая часть наших сотрудников стремится именно туда. Думаю, Миллиган сейчас там, скорее всего развлекается подводным плаванием и называет это своим бизнесом.

Митч слышал о Каймановых островах на одном из курсов по налогообложению и знал, что это где-то в Карибском море. Он думал было спросить Ламара, где именно, но тут же решил, что выяснит сам.

– Всего две недели?

– Да, а что, какие-то проблемы?

– Нет, ничего серьезного. В Нью-Йорке предлагают по меньшей мере три. – Прозвучало это так, как будто в душе Митч считал, что подобные дорогостоящие отпуска достойны всяческого осуждения. Однако, кроме трехдневного уик-энда, который они с Эбби называли «медовым месяцем», а также нечастых автомобильных вылазок на природу, Митч ни разу еще не имел того, что люди называют словом

«отпуск», и никогда ему не приходилось выезжать за пределы страны.

– Тебе могут предоставить еще одну неделю, но без содержания.

Митчел кивнул так, как будто бы это его устроило, и они вышли из кабинета Миллигана, чтобы продолжить осмотр. По сторонам коридора располагались кабинеты юристов фирмы – залитые светом, с большими окнами, с открывающимися из них видами на город. Кабинеты с видом на реку считались более престижными, и, по словам Ламара, заняты они были, как правило, компаньонами. И на эти помещения существовала очередь.

Комнаты для совещаний, библиотеки, столы секретарш располагались в частях здания, лишенных окон, – чтобы ничто не отвлекало служащих от их обязанностей.

Кабинеты сотрудников были меньше – пятнадцать на пятнадцать футов, но великолепно оформлены и выглядели даже более импозантно, чем помещения тех фирм, которые он посетил в Нью-Йорке и Чикаго. Ламар объяснил Митчу, что на специалистов-дизайнеров фирма потратила целое состояние. Похоже, что деньги здесь росли на деревьях.

Те из сотрудников, что были помоложе, проявляли явное дружелюбие и желание поговорить, никак не давая понять, что их отвлекли от дела. Почти у каждого нашлось несколько хвalebных слов в адрес фирмы и города. «Старый город помолодеет с вашим приездом, – звучало у него в ушах, – правда, на это уйдет какое-то время». «Нас тоже, – говорили ему, – сманивали шишки с Уолл-стрит или из Капитолия, но мы здесь, и мы не жалеем об этом».

Компаньоны казались более занятыми, но не в меньшей степени любезными. Снова и снова ему напоминали о том, с какой тщательностью его отбирали и как удивительно он соответствует требованиям фирмы. Эта фирма создана прямо-таки для него! Его уверяли в том, что за обедом их интересный разговор будет непременно продолжен.

* * *

Часом раньше Кей Куин, оставив детей под присмотром приходящей сиделки и прислуги, встретила с Эбби в вестибюле отеля, чтобы вместе позавтракать. Так же как и Эбби, она была родом из небольшого городка. Она вышла замуж за Ламара по окончании колледжа и три года прожила в Нашвилле, пока ее муж изучал право в университете Вандербилта. Сейчас Ламар зарабатывал столько, что она оставила работу и занималась двумя детьми. Все свое свободное время она теперь делила между домом, клубом садоводов, благотворительным фондом, загородным клубом, спортивным клубом и, наконец, церковью. Несмотря на деньги и довольно высокое положение, она осталась скромной и непритязательной женщиной. Эбби нашла себе подругу.

Подкрепившись рогаликами и яйцами всмятку, молодые женщины уселись в уютном вестибюле, попивая кофе и наблюдая за плещущимися в фонтане уточками. Кей предложила совершить небольшую поездку по городу, а потом пообедать у нее дома. Может, зайти в один-другой магазин.

– А про заем на дом они вам говорили? – спросила она Эбби.

– Да, еще при первой беседе.

– Им хочется, чтобы вы купили дом сразу после переезда сюда. Подавляющее большинство выпускников не могут позволить себе такие расходы, поэтому фирма ссужает их деньгами под очень небольшой процент.

– Какой именно?

– Не знаю точно. Мы приехали сюда семь лет назад и живем сейчас уже во втором доме, первый, поменьше, продали. Это будет выгодно для вас, поверь мне. Уж фирма проследит за тем, чтобы у вас был собственный дом. Здесь это вроде неписаного правила.

– Почему им это так важно?

– По нескольким причинам. Прежде всего они хотят, чтобы вы переехали сюда. Фирма очень избирательна, и, как правило, если они хотят, чтобы человек к ним пришел, этот человек приходит. А поскольку Мемфис не идет в сравнение с крупными городами, где жизнь бьет ключом, они чувствуют себя обязанными как-то это компенсировать. К тому же к сотрудникам предъявляются очень высокие требования, они все время в нервном напряжении, они перерабатывают, у них восьмидесятичасовая рабочая неделя, их часто не бывает дома. Это нелегко и для мужа, и для жены, фирма знает об этом. Суть в том, что, когда в семье все хорошо, юрист чувствует себя счастливым, а счастливый юрист приносит фирме больше прибыли. Так что в основе всего – прибыль. Они очень практичны. И еще, наши мужчины – заметь, там нет женщин – очень гордятся тем, что они так преуспевают, им пристало выглядеть и действовать так, как это делают состоятельные люди. Фирма посчитала бы за оскорбление, если бы ее сотрудник вынужден был жить в квартире. Нет, ему полагается владеть домом, а через пять лет – новым, побольше. Если после обеда у нас будет время, я покажу тебе дома некоторых компаньонов. Тогда ты перестанешь возмущаться восьмидесятичасовой рабочей неделей.

– А я и не возмущаюсь, я давно привыкла.

– Молодец, но учеба в университете не идет ни в какое сравнение. Когда подходит время уплаты налогов, они, бывает, работают и по сто часов в неделю.

Эбби улыбнулась и покачала головой, впечатленная этой цифрой.

– Кей, ты работаешь?

– Нет. Большинство жен не работают. Деньги в доме есть, так что женщину работать не заставляет ничто, да и мужа не слишком-то помогают воспитывать детей. Но конечно, работать не запрещается.

– Кем не запрещается?

– Фирмой.

– Надеюсь, что это так.

Эбби мысленно повторила слово «запрещается», но тут же выбросила его из головы.

Кей пила кофе и любовалась утками. Какой-то малыш, видимо, убежавший от матери, тянулся ручонками к воде.

– Вы думаете заводить детей? – обратилась она к Эбби.

– Может, через пару лет.

– Детишки поощряются.

– Кем?

– Фирмой.

– С какой стати фирме беспокоиться о том, есть у нас дети или нет?

– Как же, ведь это упрочняет семью. Когда появляется новорожденный, устраивают такую шумиху – шлют тебе в больницу цветы и подарки, и вообще ты чувствуешь себя королевой. Мужу предоставляют недельный отпуск, но он, как правило, слишком занят, чтобы им воспользоваться. Фирма делает страховой взнос в тысячу долларов – на будущее обучение ребенка. И вообще все очень веселятся.

– Похоже, у вас тут прямо братство какое-то.

– Скорее одна большая семья. Вся наша жизнь, в том числе и общественная, связана с фирмой, и для нас это важно, ведь коренных жителей среди нас нет, все мы трансплантаты.

– Все это просто здорово, но не хотелось бы, чтобы кто-то мне говорил, когда работать, когда отдыхать, когда иметь детей.

– Не переживай. Фирма очень заботится о семье, но совать свой нос в твою жизнь они не станут.

– По-моему, я начинаю сомневаться в этом.

– Говорю тебе, расслабься, Эбби. Они как семья, они прекрасные люди, а Мемфис – замечательный город, в котором можно жить и растить детей. Стоимость жизни здесь ниже, и сама жизнь течет неторопливее и плавнее. Может, ты сравниваешь Мемфис с большими городами? Мы тоже так делали, но, поверь, Мемфис стоит любого из них.

– Я увижу весь город?

– Конечно, для этого-то я и здесь. Давай начнем с центра, отсюда отправимся на восток посмотреть на пригороды, может, на кое-какие приятные домики, а потом пообедаем в моем любимом ресторанчике.

– Похоже, скучать не придется, – отозвалась Эбби.

Кей расплатилась. Они вышли из отеля и уселись в новый «мерседес» семейства Куин.

Столовая, как ее просто называли, располагалась в конце пятого этажа и выходила окнами на набережную и лениво ползущую за ней реку. Из высоченных окон открывался захватывающий вид на мосты, доки, буксиры, пароходики и баржи.

Помещение это было святилищем, надежным убежищем для тех, кто был достаточно талантлив и честолюбив, чтобы суметь стать компаньонами уважаемой фирмы Бендини. Они встречались здесь ежедневно на обедах, которые им готовила Джесси Фрэнсис, огромная пожилая темпераментная негритянка, а подавал блюда на стол ее муж Рузвельт, в белых перчатках и старомодном, неловко сидящем на нем, чуть выцветшем и тесноватом фраке, подаренном лично мистером Бендини незадолго до смерти. Иногда компаньоны встречались и по утрам, чтобы выпить кофе с горячими пирожками и обсудить дела, а также, от случая к случаю, – за бокалом вина, отмечая удачный месяц или чей-нибудь небывало высокий гонорар. Столовая была предназначена только для компаньонов, ну разве что случайный гость – крайне выгодный клиент или перспективный кандидат в сотрудники – переступал ее порог. Сотрудники могли обедать здесь дважды в год, только дважды – это регистрировалось в соответствующей книге, – и только по приглашению компаньонов.

К столовой примыкало помещение небольшой кухни, где творила Джесси и где она приготовила первый из подобных обедов для мистера Бендини и его коллег двадцать шесть лет назад. Все двадцать шесть лет она предпочитала южную кухню, ни разу не

попытавшись в угоду чьему-то вкусу приготовить блюдо, название которого она и выговорить-то не могла. «Не ешьте, если вам это не по вкусу» – таков был ее обычный ответ на подобные требования. Судя по тому, что на тарелках, которые убирал со стола Рузвельт, ничего не оставалось, ее поварским искусством были не только довольны, но и наслаждались. По понедельникам она вывешивала меню на неделю, отдельные заказы принимала не позже десяти утра и годами дулась на того, кто внезапно отказывался от заказа или просто не приходил на обед. Она с мужем работала по четыре часа в день и получала вместе с ним тысячу долларов в месяц.

Митчел сидел за столом вместе с Ламаром Куином, Оливером Ламбертом и Ройсом Макнайтом. Сначала им принесли нежнейшие свиные ребрышки с гарниром из вареной тыквы и какой-то ароматной травки.

– А жир она сегодня убрала, – обратил внимание мистер Ламберт.

– Восхитительно! – оценил Митч.

– А вы не против жирной пищи?

– Нет, в Кентукки готовят так же.

– Я пришел в фирму в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, – сказал мистер Макнайт, – а сам я из Нью-Джерси. И я очень настороженно относился к южной кухне. Все едят с маслом и готовят на животном жире, так? А потом мистер Бендини решил открыть здесь это маленькое кафе. Он нанял Джесси, и вот уже двадцать лет я мучаюсь изжогой. Жареные красные помидоры, жареные зеленые помидоры, жареные баклажаны, жареная тыква, жареное то и се. Однажды Виктор Миллиган сказал – хватит. Он ведь из Коннектикута, так? И Джесси тут же выдала на скорую руку порцию жареных маринованных огурчиков. Представляете?! Пожарить маринованные огурчики! Миллиган позволил себе пробурчать что-то при Рузвельте, а тот доложил Джесси. Та взяла и ушла через заднюю дверь, просто ушла. На неделю. Рузвельт хотел пойти на работу, а она его не пускала. В конце концов Бендини все уладил, и она согласилась вернуться, если больше не будет жалоб. Но все-таки она

отказалась от жира. Думаю, все мы проживем теперь лет на десять больше.

– Восхитительно! – намазывая масло на еще одну булочку, произнес Ламар.

– У нее всегда так, – добавил Ламберт в тот момент, когда мимо их столика проходил Рузвельт. – Еда здесь хороша, от нее полнеешь, но мы не часто пропускаем обед.

Митчел ел не спеша, готовый в любой момент поддержать беседу, и старался держаться абсолютно свободно. Удавалось это с трудом. Окруженный людьми, добившимися от жизни всего, миллионерами, в этой изысканной, роскошно убранной комнате он чувствовал себя простым смертным, очутившимся вдруг в небесных чертогах. Только присутствие Ламара и отчасти Рузвельта придавало ему бодрости.

Когда Ламберт убедился в том, что Митч насытился, он вытер салфеткой рот, медленно поднялся и легонько постучал чайной ложечкой:

– Джентльмены, могу ли я попросить минуту вашего внимания?

В столовой воцарилась тишина, головы обедающих повернулись к их столику. Положив салфетки, мужчины в упор смотрели на гостя. Где-то на письменном столе у каждого лежала копия его досье. Два месяца назад они единогласно проголосовали за то, чтобы сделать его единственным претендентом. Они все знали, что он пробегает по четыре мили в день, не курит, что у него аллергия на сульфаниды, вырезаны гланды, что у него маленькая синяя «мазда», что мать страдает психическим расстройством и что он мастерски играет в футбол. Им было известно и то, что, даже когда болеет, он не принимает ничего более крепкого, чем пара таблеток аспирина, и то, что он достаточно голоден для того, чтобы работать сто часов в неделю, если они его об этом попросят. Митчел И. Макдир нравился им. Он приятно выглядел, был атлетически сложен, настоящий мужчина, с ясным умом и крепким телом.

– Вы знаете, что сегодня мы приветствуем здесь дорогого гостя – Митчела Макдира. В ближайшее время он заканчивает Гарвард с

отличием.

– Виват! Виват! – раздались голоса двух-трех выпускников Гарварда.

– Вот именно, благодарю вас. Митчел и его жена Эбби будут нашими гостями весь уик-энд. Митч входит в пятерку сильнейших выпускников, и он получил много предложений. Но Митч нужен нам здесь. Я знаю, что вы будете общаться с ним до его отъезда. Сегодня вечером его принимает Ламар Куин с супругой, а завтра всех присутствующих на ужин к себе приглашаю я.

Митчел смущенно улыбался, а Ламберт продолжал говорить что-то о величии фирмы. Когда слова его отзвучали, все вернулись к пудингу и кофе, которые разнес по столам Рузвельт.

Любимый ресторанчик Кей оказался роскошным заведением для «золотой» молодежи в южной части города. С потолка тут и там свисали листья папоротника, музыкальный автомат негромко наигрывал музыку далеких шестидесятых.

Дайкири подали в высоких стеклянных бокалах.

– Думаю, по одному будет достаточно? – спросила Кей.

– Пьяница из меня никакая, – отозвалась Эбби.

Они заказали фирменное блюдо, попробовали коктейль.

– Митч любит выпить?

– Крайне редко. Он же спортсмен, очень заботится о своем здоровье. Иногда немного пива или бокал вина, но никаких крепких напитков. А Ламар?

– Примерно так же. Он и пиво попробовал, только когда уже учился в колледже, да и располнеть боится. Фирма не любит, когда прикладываются к спиртному.

– Здорово, конечно, но почему и это их волнует?

– Потому что спиртное и юристы так же соотносятся между собой, как кровь и вампиры. Насколько я знаю, все правоведы пьют как лошади, алкоголизм стал их профессиональной болезнью. По-моему, все это начинается еще в годы учебы. В университете Вандербилта

обязательно находился кто-нибудь, кто не просыхал. То же самое, видимо, и в Гарварде. Работа требует огромного нервного напряжения, а это обычно означает и обильную выпивку. Наши мужья, конечно, не трезвенники, это понятно, но они привыкли контролировать себя. Здоровый юрист лучше работает. Опять-таки это вопрос прибылей.

– Ну, в этом есть хоть какой-то смысл. Митч говорил мне, что в фирме нет проблем с текучестью кадров.

– Да, за семь лет, что мы здесь прожили, я не припомню никого, кто бы ушел из нее. Здесь платят хорошие деньги и очень осторожны в подборе сотрудников. Не берут на работу людей из состоятельных семей.

– Не уверена, что поняла.

– Фирма не примет человека, у которого, помимо оклада, был бы еще какой-то источник доходов. Им нужны молодые и голодные. Тут дело в преданности: если все твои денежки текут из одного-единственного источника, то ты будешь хранить верность этому источнику. В фирме от тебя ожидают беззаветной преданности. Ламар говорит, что даже разговоров о том, чтобы уйти куда-то, он ни разу не слышал. Все сотрудники чувствуют себя счастливыми: они или богаты, или на пути к богатству. И уж если кто-то надумает уходить, он явно не заработает в другом месте столько, сколько у нас. Фирма даст Митчу все, что он захочет, только бы он согласился работать здесь. Они горды, что платят больше других.

– А почему они не принимают женщин?

– Пытались однажды. Она оказалась настоящей стервой, вокруг нее постоянно был шум. Юристы-женщины вечно готовы в драке отстаивать свое «я». С ними трудно иметь дело. Ламар говорит, что они боятся принимать женщину, так как не смогут просто избавиться от нее в случае, если она не справится со своими обязанностями, да еще ей потребуется положительная характеристика.

Им принесли еду, от новых коктейлей они отказались. Ресторан постепенно заполнялся молодежью, атмосфера становилась все

более оживленной. Слышалась мелодия Смоки Робинсона.

– У меня идея! – воскликнула вдруг Кей. – Я знакома с одним торговцем недвижимостью, поедem узнаем, что у него сейчас есть на продажу.

– Что на продажу?

– Дом. Дом для вас с Митчем, дом для нового сотрудника фирмы «Бендини, Ламберт энд Лок». Присмотрим что-нибудь вам по вашим деньгам.

– Я не представляю, какую цену мы можем себе позволить.

– Что-нибудь от ста до ста пятидесяти тысяч. Ваш предшественник купил дом в Оукгруве, я уверена, он примерно такую сумму и выложил.

Эбби наклонилась к ней и прошептала:

– И сколько же нам придется выплачивать за него в месяц?

– Не знаю. Но это будет вам по силам. Тысячу или чуть больше.

От неожиданности Эбби едва не подавилась. Маленькие квартирки в Манхэттене, сдававшиеся внаем, стоили вдвое дороже.

– Хорошо, поедem посмотрим.

Как и должно было быть, Ройс Макнайт занимал один из «кабинетов власти», с чудесным видом из окна. Угловое помещение находилось как раз под офисом Натана Лока.

Ламар Куин извинился и вышел, и управляющий пригласил Митча сесть у небольшого столика рядом с диваном. Секретарша должна была принести кофе.

Макнайт расспрашивал молодого человека о первых впечатлениях, и Митч искренне отвечал ему, что он поражен.

– Митч, – обратился к нему Макнайт, – хочу уточнить кое-какие детали нашего предложения.

– Слушаю вас.

– В первый год работы оклад составит восемьдесят тысяч долларов. Но после того как сдашь экзамен по адвокатуре, ты получишь прибавку в пять тысяч. Не премию, а прибавку к окладу.

Экзамен состоится где-то в августе, и большую часть лета ты потратишь на то, чтобы подготовиться. Мы разработали собственный курс подготовки по адвокатуре, с тобой будут заниматься, и очень напряженно, наши компаньоны. Занятия твои будут проходить в основном в рабочее время, за счет, так сказать, фирмы. Ты знаешь, что другие фирмы обычно заваливают новичка работой, исходя из того, что повышать квалификацию он должен в свободное время. У нас подход иной. Ни один из наших сотрудников никогда не проваливал этот экзамен, мы уверены, что и ты не нарушишь наших традиций. Восемьдесят тысяч для начала и восемьдесят пять через полгода. Отработав год, ты будешь получать девяносто тысяч плюс премия в декабре в зависимости от качества твоей работы и доходов фирмы за предыдущие двенадцать месяцев. В прошлом году премия сотрудников составила в среднем девять тысяч долларов. Тебе должно быть известно, что участие работников в прибылях в юридических фирмах почти не практикуется. Остались какие-нибудь неясности?

– А что меня ждет через два года?

– Твой базовый оклад будет повышаться в среднем на десять процентов в год до тех пор, пока ты не станешь компаньоном. Но ни повышение оклада, ни премии не гарантированы – они зависят от твоей работы.

– Это справедливо.

– Ты уже знаешь, что фирме очень важно, чтобы ты купил дом. Это прибавляет надежности и престижа, особенно новым сотрудникам, и к этому мы тоже равнодушны. Фирма предоставляет низкопроцентный заем на тридцать лет, с фиксированными ставками выплат, но если через пару лет ты решишь свой дом продать, то эти выплаты тебе не вернут. Заем предоставляется только раз, для покупки первого дома. За другие дома ты платишь из своего кармана.

– Какова процентная ставка?

– Предельно низкая. Чтобы только уберечь тебя от конфликта с налоговым управлением. Текущая рыночная ставка составляет десять – десять с половиной процентов. Мы дадим тебе процентов семь-восемь. Дело в том, что фирма представляет интересы некоторых банков, они помогают нам. С твоим окладом у тебя не будет проблем с выплатами. В конце концов, фирма всегда может выступить, в случае необходимости, твоим гарантом.

– Вы очень великодушны, мистер Макнайт.

– Это важно для нас самих. В деньгах мы тоже ничего не теряем. Твоя задача – подыскать себе дом, все остальное – заботы нашего отдела по сделкам с недвижимостью. Тебе останется только въехать.

– А «БМВ»?

Мистер Макнайт усмехнулся:

– Мы попробовали это лет десять назад и решили, что машина – хороший стимул. Все просто: ты выбираешь «БМВ», какую-нибудь небольшую модель, фирма арендует автомобиль на три года и вручает тебе ключи. Мы оплачиваем номера, страховку, ремонт. Через три года ты можешь купить его у фирмы, сдавшей нам его в аренду, по справедливой рыночной цене. Так же как и с домом, это наша разовая сделка.

– Звучит очень соблазнительно.

– Да.

Макнайт посмотрел в лежащий перед ним блокнот.

– Фирма также покрывает все расходы семьи на медицинское обслуживание и дантиста. Беременность, профилактические осмотры, зубопротезирование, словом, все.

Митч кивнул, но не удивился – так было везде.

– У нас непревзойденная система социальной защиты и пенсионного фонда. К каждому твоему доллару, идущему в фонд, фирма добавляет два своих, исходя из того, что твои выплаты в фонд составят не меньше десяти процентов основного оклада. К примеру, ты начинаешь с восьмидесяти тысяч, значит, за год ты отложишь восемь тысяч. Фирма положит еще шестнадцать, и, таким

образом, на твоём пенсионном счете только за первый год работы будет числиться двадцать четыре тысячи долларов. Этим делом мы поручили заняться профессионалам в Нью-Йорке, и за прошлый год наш пенсионный фонд возрос на девятнадцать процентов. Не так уж плохо, а? Если в течение двадцати лет регулярно вносить деньги, то к сорока пяти ты можешь уйти на пенсию миллионером. Маленькое уточнение: если решишь уйти от нас раньше, ты не получишь ничего, кроме своих ежегодных взносов, без всяких процентов.

– Не слишком ли жестоко?

– Наоборот, это проявление заботы. Назови мне другую фирму, которая на каждый твой доллар кладет два своих. Таких просто нет, насколько я знаю. Таким образом мы сами заботимся о себе. Многие наши компаньоны уходят на отдых в пятьдесят, некоторые – в сорок пять. У нас нет установленных возрастных пределов, поэтому отдельные люди и в шестьдесят, и в семьдесят еще продолжают работать. Словом, фирма просто хочет гарантировать обеспеченную старость и дать нашим людям возможность выйти на пенсию раньше.

– Сколько в фирме компаньонов, которые уже ушли на отдых?

– Около двадцати. Они иногда заходят, ты их еще увидишь, они приходят поговорить или пообедать, кое-кто сохраняет за собой свой офис. Ламар говорил с тобой об отпусках?

– Да.

– Отлично. Заказывай места заранее, особенно в Вейле и на Кайманах. Дорогу оплачиваешь сам, жилье – за счет фирмы. На Кайманах у нас немало дел, и время от времени фирма будет посылать тебя туда поработать. Такие поездки не входят в счет отпуска, это примерно раз в год, вряд ли чаще. Мы много работаем, Митч, и кому, как не нам, знать настоящую цену отдыху.

Митч согласно наклонил голову и на мгновение представил, как лежит на песке далекого острова в Карибском море, потягивает прохладный ананасовый сок в обществе стройных созданий в бикини.

– А о премии вновь принятому Ламар тоже говорил?

– Нет, впервые слышу.

– Если решишь прийти к нам, ты получишь чек на пять тысяч. Нам бы хотелось, чтобы большую часть этих денег ты потратил на новый гардероб. После семи лет, что ты носил джинсы и фланелевые рубашки, выбор твоих костюмов вряд ли будет широк, да это и понятно. Мы очень придирчивы в вопросах внешнего вида и ожидаем от всех сотрудников, что одеты они будут со вкусом и достаточно консервативно. Особого кодекса в одежде у нас нет, но общее представление ты получишь.

Пять тысяч долларов, сказал он? На одежду? У Митча было два костюма, в одном из них он сюда приехал. Он надеялся, что выглядит невозмутимо, но тут же чуть не улыбнулся.

– Какие-нибудь вопросы?

– Да. Некоторые большие фирмы печально известны тем, что загружают своих сотрудников нудной поисковой работой и запирают их в библиотеках, особенно новичков, года на три. Так вот, этого мне не нужно. Я не против того, чтобы выполнять свою часть исследований, и я знаю, что в фирме на первых порах буду самым младшим, но я никогда не соглашусь сидеть над документами и заниматься писаниной за всю фирму. Я хочу работать с настоящими клиентами и решать их проблемы.

Внимательно и терпеливо мистер Макнайт выслушал молодого человека. Помолчал, прежде чем ответить.

– Понимаю, Митч. В больших фирмах это действительно серьезная проблема. Но не у нас. Первые три месяца ты будешь в основном занят подготовкой к экзамену. Сдав его, ты приступишь к реальной практической работе. Тебя закрепят за одним из компаньонов, его клиенты станут и твоими клиентами. Ты будешь выполнять только некоторую поисковую работу своего компаньона, ну и свою собственную, конечно. Иногда тебя попросят помочь кому-нибудь из коллег составить отчет или нечто подобное. Нам хочется, чтобы ты чувствовал себя счастливым человеком. Тебе уже говорили,

что у нас нет текучести кадров, что мы всегда готовы сделать шаг навстречу в твоей карьере. Если ты не сработался с одним компаньоном, найдем тебе другого. Если вдруг окажется, что тебе наскучили налоги, ты сможешь заняться ценными бумагами или банковским делом. Все зависит от тебя. Фирма собирается в ближайшее время сделать крупное и выгодное вложение своих денег – в мистера Митчела Макдира, и мы хотим, чтобы его работа была продуктивной.

Митчел отхлебнул кофе и задумался, о чем бы еще спросить.

- Мы оплатим все расходы по переезду в Мемфис.
- Они будут невысокими, я найму только небольшой грузовичок.
- Что-нибудь еще, Митч?
- Нет, сэр, ничего больше не могу придумать.

Макнайт сложил листок с вопросами их беседы, аккуратно поместил его в лежащую перед ним папку. Опершись локтями о стол, наклонился в сторону гостя.

– Митч, мы не торопим тебя, но ответ нам нужен как можно раньше. Если ты откажешься, нам необходимо будет продолжить наш поиск. Процесс этот длительный, а нам хотелось бы, чтобы новый сотрудник вышел на работу не позже 1 июля.

- Но десять дней вы мне дадите подумать?
- Это было бы отлично. Тогда, скажем, 30 марта?
- Договорились, но я свяжусь с вами раньше.

Митч простился и вышел. Ламар ждал его в кресле неподалеку от кабинета Макнайта. Они условились об ужине в семь.

Глава 3

На пятом этаже Бендини-билдинг рабочих кабинетов не было. В одной части коридора находилась столовая с кухней, в центре – несколько закрытых на замок комнат-кладовых, за ними коридор был перегороден толстой бетонной стеной. Сбоку от небольшой металлической двери торчала кнопка звонка, а над дверью в центре стены на кронштейне поблескивала небольшая телекамера. Дверь вела в тесноватое помещение, где сидел вооруженный охранник и следил за экранами мониторов, занимавших всю стену. Далее коридор зигзагом пробивался через лабиринт различных отсеков и кабин, где какие-то люди были заняты незаметной работой по наблюдению, сбору и обработке информации. От внешнего мира окна были изолированы не только слоем краски, но и глухими шторами, и у солнечного света не было ни малейших шансов пробиться внутрь.

Глава службы безопасности Де Вашер занимал самую просторную из этих крошечных секций. Единственным украшением голых стен его кабинета был сертификат, удостоверявший его безупречную тридцатилетнюю службу в департаменте полиции Нового Орлеана. Де Вашер был мужчиной крепкого сложения, с небольшим животиком, широкоплечим, с мощной грудью и аккуратно посаженной, совершенно круглой головой. Редко кому доводилось видеть улыбку на его лице. Мятая рубашка у воротника была расстегнута, с тем чтобы позволить могучей шее хоть какую-то свободу движений. На спинке стула висела спортивная куртка и широкий галстук из синтетики.

В понедельник утром после отъезда Макдира и его жены Оливер Ламберт поднялся на пятый этаж, подошел к металлической двери и, нажав кнопку, поднял голову к телекамере, ожидая, пока ему откроют. Нажал кнопку еще раз, дверь открылась, и он быстро прошел по петляющему коридору прямо в кабинет Де Вашера. Тот

стряхнул пепел с сигары в хирургически чистую пепельницу и сдвинул со стола бумаги в сторону.

– Привет, Олли. По-моему, ты пришел поболтать о Макдире.

Де Вашер был единственным в фирме человеком, называвшим Ламберта просто Олли прямо в лицо.

– Да, помимо прочего.

– Что ж, он неплохо провел время, остался доволен фирмой, ему понравился город, и скорее всего он примет наше предложение.

– Где находились твои люди?

– В отеле мы заняли смежные с его номером комнаты. Номер, конечно, прослушивался, так же как лимузин, телефон и прочее. Все как обычно, Олли.

– Побольше деталей.

– Пожалуйста. Они прибыли в отель в четверг вечером и почти сразу улеглись спать. Разговаривали мало. В пятницу ночью он рассказал ей все, что узнал о фирме, о людях, отозвался о тебе как об очень приятном человеке. Я сразу подумал, что тебе это понравится.

– Продолжай.

– Он поведал ей о вашей роскошной столовой и об обеде с компаньонами. Выдал ей все до мелочей о своем окладе, льготах и премиях, и она пришла в экстаз. Все это превзошло их самые смелые ожидания. Ей очень хочется стать хозяйкой дома с гаражом, деревьями и кустарником во дворе. Он сказал ей, что она ею станет.

– Какое-нибудь недовольство по отношению к фирме?

– Да нет. Прошелся по поводу отсутствия цветных и женщин, но вряд ли его это беспокоит всерьез.

– А что жена?

– Она просто без ума. Ей понравился город, она осматривала его вместе с женой Куина. После обеда в пятницу они вместе ездили посмотреть на дома, она нашла парочку, которые ей по душе.

– Адреса их у тебя есть?

– Конечно, Олли. В субботу утром они вызвали лимузин и катались по городу. Лимузин приводил их в восторг. Наш водитель держался в стороне от неказистых кварталов, а они рассматривали главным образом дома. Похоже, они сделали выбор: номер 1231 по Ист-Медоубрук. Дом продается. Они прошли по нему в сопровождении Бетси Белл, агента по недвижимости. Она назвала им цену – сто сорок тысяч, но удовольствуется и меньшей суммой, у нее сейчас застой.

– Это приличная часть города. Дом старый?

– Лет десять – пятнадцать. Три тысячи квадратных футов, что-то такое в колониальном стиле. Неплохой дом для одного из твоих парней, Олли.

– Ты уверен, что это именно то, что им хочется?

– Пока, во всяком случае. Они собирались приехать еще разок, примерно через месяц, еще присмотреться. Вы могли бы оплатить им самолет сюда в любое время, как только они будут готовы, это ведь обычная процедура?

– Да, мы с этим справимся. Что они говорили об окладе?

– Они поражены. Выше ему ничего не предлагали. Они безостановочно говорили о деньгах: оклад, пенсия, заем, «БМВ», премии и прочее. Им не верится во все это, ребяташки готовы тронуться.

– Пожалуй. Так ты думаешь, мы купили его, а?

– Готов биться об заклад – да. Он сказал, что фирма, может, и не такая престижная, как на Уолл-стрит, но квалификация у юристов не ниже, а люди тут гораздо приятнее. Я уверен, он согласится.

– Он что-нибудь подозревает?

– В общем – нет. Ламар явно дал ему понять, чтобы он держался подальше от кабинета Лока. Он поделился с женой, сказал ей, что никто никогда не входит в его кабинет, за исключением нескольких секретарш и очень небольшого числа компаньонов. Но тут же добавил, что Куин сказал ему, будто Лок просто эксцентричен и довольно замкнут. Не думаю, чтобы он что-то подозревал. Она же

сказала, что фирма, как ей кажется, слишком уж беспокоится о вещах, которые ее не касаются.

– Например?

– Личная жизнь. Дети, работа жен и в таком духе. По-моему, ее это несколько раздражало, но это только мое предположение. Просто в субботу утром она сказала ему, что будь она проклята, если позволит горстке каких-то адвокатов указывать ей, когда она сможет работать, а когда – заводить детей. Но я не думаю, что это очень серьезно.

– Понимает ли он, что ему предстоит работать тут постоянно?

– Мне кажется, да. Не было ни упоминания о том, чтобы переехать через несколько лет куда-нибудь еще. Я думаю, он понял. Уже хочет стать компаньоном, как и все. Он уже сломлен и жаждет денег.

– Говорилось что-нибудь об ужине у меня дома?

– Оба там сильно нервничали, но им очень понравилось. А от дома они в восхищении. И от твоей жены тоже.

– Секс?

– Каждую ночь. Впечатление такое, что медовый месяц у них еще в самом разгаре.

– Чем они занимались в постели?

– Мы же не могли видеть, не забывай. Судя по звукам, все как у людей, никаких гадостей. Я все время вспоминал о тебе и о том, как ты любишь рассматривать карточки, и в голове у меня билась одна мысль: нужно было установить камеры, чтобы старина Олли тоже поразился.

– Заткнись, Де Вашер.

– Так и быть, в следующий раз.

Они помолчали. Де Вашер просматривал свой блокнот. Затем затушил в пепельнице сигару, улыбнулся:

– Так или иначе, это прочная семья. Они очень нежны друг с другом. Твой водитель заметил, что весь уик-энд они ходили повсюду держась за руки. Ни одного раздраженного слова за три

дня, это о чем-то говорит, правда? Но кто я, чтобы судить? Я сам третий раз женат.

– С тобой все ясно. А что они говорят о детях?

– Может, через пару лет. Сначала ей хочется поработать.

– Каково твое мнение об этом парне?

– Воспитанный, приличный молодой человек. Очень честолюбив. Думаю, что он уже завел себя и не остановится, пока не взберется на самый верх. И у него есть шансы, он способен на многое... при необходимости.

Ламберт улыбнулся:

– Это я и хотел услышать.

– Дважды они звонили по телефону. Оба раза ее матери, в Кентукки. Ничего примечательного.

– Что-нибудь новое о его семье?

– О ней не упоминалось.

– О Рэе тоже?

– Нет. Мы ищем его, Олли. Дай нам время.

Де Вашер закрыл досье Макдира и достал другую папку, гораздо толще. Ламберт, уставившись в пол, потирал виски.

– Выкладывай, что еще, – негромко сказал он.

– Новости плохие, Олли. Я уверен, что Ходж и Козински сговорились и работают сейчас на пару. На прошлой неделе агенты ФБР получили ордер и обыскали дом Козински. Обнаружили наши микрофоны и сообщили ему, что его дом прослушивался. Естественно, они не знали кем. Козински рассказал об этом Ходжу в прошлую пятницу – они спрятались в библиотеке на третьем этаже. Микрофон был довольно далеко от них, и мы смогли записать лишь отдельные реплики. Не много, но ясно, что говорили о «жучках» в доме Козински. Они убеждены, что их слушают везде, и подозревают нас. Говорят даже наедине очень осторожно.

– С чего это вдруг ФБР понадобился для обыска ордер?

– Хороший вопрос. Видимо, реверанс в нашу сторону, чтобы все выглядело законно и солидно. Нас они уважают.

- Кто там был из них?
- Тарранс. Видимо, он старший.
- И как он?
- Хорош. Молод, зелен, излишне ревностен, но компетентен. С нашими людьми он не сравнится.
- И часто он говорил с Козински?
- Сейчас это невозможно установить. Поскольку они вычислили, что мы их слушаем, то стали предельно осторожны. Нам известно о четырех их встречах в прошлом месяце, но я подозреваю, что их было больше.
- Много он успел вынюхать?
- Надеюсь, не очень. Пока ФБР ведет бой с тенью. Их последняя беседа, о которой мы знаем, состоялась неделю назад, и важного там ничего сказано не было. Козински очень напуган. Общаются они, видимо, много, а толку нет. Он так и не решился сотрудничать с ними. Они же сами на него вышли, имей это в виду. По крайней мере мы так считаем. Его прижали довольно крепко, и он готов был расколоться, но теперь, похоже, начинает задумываться. Однако контакты продолжаются, и это меня тревожит.
- Жена его что-нибудь знает?
- Думаю, нет. Она видит, что ведет он себя странно, но он объясняет это перегруженностью на работе.
- А что Ходж?
- Насколько мы осведомлены, он пока с фэбээровцами не контактирует. Больше разговаривает с Козински, или шепчется, я бы сказал. Ходж твердит, что боится ФБР хуже смерти, что ФБР ведет бесчестную игру, что агентам Бюро доверять нельзя. Без Козински он и шагу не сделает.
- А если Козински исчезнет?
- Они выйдут на Ходжа. Надеюсь, нам не придется прибегать к крайним средствам. Черт побери, Олли, он ведь не убийца какой-нибудь! Он очень достойный молодой человек, у него дети...

– Твоя чувствительность ошеломляет. Ты, верно, думаешь, что я получу от этого удовольствие. Дьявол, я ведь сам воспитывал этих парней!

– Ну тогда призови их к порядку, пока дело не зашло слишком далеко. Нью-Йорк становится все более подозрительным, Олли. Нам начинают задавать вопросы.

– Кто?

– Лазаров.

– И что ты им ответил, Де Вашер?

– Рассказал все. Это моя работа. Тебя ждут в Нью-Йорке послезавтра, для детального доклада.

– Чего они хотят?

– Им нужны ответы. И планы.

– Какие планы?

– Предварительные планы устранения Козински, Ходжа и Тарранса, если возникнет такая необходимость.

– Тарранса! А ты не сошел с ума, Де Вашер? Мы не можем устранить агента ФБР! Сюда же пришлют войска.

– Лазаров болван, Олли. Ты знаешь это. Он идиот, но я не думаю, что с нашей стороны было бы умно сказать ему об этом.

– А я скажу. Я поеду в Нью-Йорк и скажу ему, что он круглый дурак.

– Сделай это, Олли. Сделай!

Оливер Ламберт поднялся с кресла и направился к двери.

– Наблюдать за Макдиром еще месяц.

– Хорошо, Олли. Он согласится, держу пари. Не беспокойся.

Глава 4

«Мазду» продали за двести долларов, большая часть которых пошла в уплату за аренду небольшого грузовичка. Его вернут арендной конторе уже в Мемфисе. Кое-что из старой мебели раздали соседям, часть выбросили, погрузили только холодильник, кровать, шкаф для одежды, комод, небольшой цветной телевизор, ящики с посудой, одеждой, всякими мелочами. Отдавая дань сентиментальным воспоминаниям, взяли с собой и старую кушетку, понимая, однако, что долго она в новом доме не простоит.

Эбби держала на руках их беспородного пса Хорси, а Митч сидел за рулем и гнал машину через Бостон на юг, все дальше на юг, туда, где их ждала лучшая жизнь. В течение уже трех дней они пробивались второстепенными дорогами, наслаждаясь природой и подпевая передаваемым по радио песням. Они ночевали в дешевых мотелях и болтали о доме, о «БМВ», о мебели, детях, богатстве. Опустив стекла кабины, с радостью подставляли лица ветерку, когда грузовичок набирал максимальную скорость – почти сорок пять миль в час! Где-то уже в Пенсильвании Эбби робко намекнула, что они могли бы по пути заскочить ненадолго в Кентукки. Митч не сказал ничего, но выбрал маршрут, пролегающий через обе Каролины, Северную и Южную, и Джорджию, так что в любой точке пути между ними и границей штата Кентукки было не меньше ста пятидесяти миль. Эбби смирилась.

Они добрались до Мемфиса в четверг утром; как и было обещано, черный «БМВ» триста восемнадцатой модели стоял у гаража в ожидании хозяев. Митч не сводил глаз с машины. Эбби – с дома. Трава перед ним была густой, зеленой и аккуратно подстриженной. Невысокая ограда поблескивала свежей краской. Нюхотки на клумбе – в цвету. Ключи, как договаривались, лежали в кладовой под ведром.

Не вытерпев и опробовав новенький «БМВ» тут же, во дворе, они кинулись разгружать грузовик – им не хотелось давать соседям шанс рассмотреть небогатые пожитки. Грузовичок сразу же отогнали в отделение арендной конторы. И – снова за руль «БМВ»!

Женщина-дизайнер, специалист по интерьерам, та самая, которой вменили в обязанность оформить его кабинет, пришла после обеда, принеся с собой образчики ковров, красок, занавесей, драпировок и обоев. Затею с дизайнером Эбби нашла излишней, особенно после их спартанской квартирki в Кембридже, но потом сдалась. Митчу это моментально наскучило, он извинился и вновь отправился к машине. Он с гордостью ехал по трехрядному покрытию утопающего в зелени уютного пригорода, жителем которого отныне являлся. Митч ехал и улыбался ребятишкам на велосипедах, присвистывавшим при виде его нового автомобиля. Он приветственно махнул рукой почтальону на тротуаре, потеющему под тяжестью сумки. Вот он, Митчел И. Макдир, двадцатипятилетний выпускник юридического факультета Гарвардского университета. Вот он, собственной персоной.

В три часа они вместе с женщиной-дизайнером отправились в дорогой мебельный магазин, где управляющий вежливо информировал их о том, что мистер Оливер Ламберт отдал распоряжение об открытии им кредита, если, конечно, они не будут против, и что кредит этот не ограничивался никакой определенной суммой. Они тут же купили мебель на весь дом. Митч иногда хмурился, дважды наложив вето на какие-то особо дорогие вещи, но в целом балом заправляла Эбби. Дизайнер не уставала делать комплименты ее изысканному вкусу, но и не забыла договориться с Митчем о том, что придет в его офис в понедельник. Великолепно, ответил ей он.

С планом города на коленях они отправились к дому супругов Куин. Эбби еще в прошлый раз была у них, но дороги не помнила. Дом располагался в части города, называвшейся Чикасо-Гарденс, и

сейчас Эбби узнавала массивы деревьев, просторные особняки с профессионально спланированными газонами. Подъехав, они припарковали машину между двумя «мерседесами» – старым и новым.

Прислуга приветствовала их вежливым наклоном головы, но без улыбки. Их провели в гостиную и оставили одних.

В доме было темно и тихо – ни смеха детей, ни голосов. Они сидели, любовались интерьером и ждали. Начали тихо переговариваться, затем нетерпеливо ерзать. В конце концов, ведь их пригласили на ужин – сегодня, 25 июня, в четверг, в шесть вечера. Митч посмотрел на часы и пробормотал что-то о невоспитанности. Но все же они сидели и ждали.

В гостиную из коридора стремительно вошла Кей и попыталась улыбнуться. Глаза ее были чуть припухшими и влажными, тушь в уголках размазалась. Внезапно по щекам хлынули слезы. Обняв Эбби за плечи, она села на диван рядом с ней, даже не села, а просто бессильно опустилась – ноги ее не держали. Кей прижала к губам платок, заглушая рыдания.

Митч опустился на колени рядом:

– Кей, что случилось?

Она только покачала головой, не в силах говорить. Эбби гладила ее по колену, Митч слегка похлопывал по другому. Они смотрели на нее со страхом, предполагая самое худшее. Ламар? Дети?

– Случилось несчастье, – едва слышно проговорила Кей сквозь рыдания.

– С кем?

Она вытерла глаза и глубоко вздохнула:

– Два сотрудника фирмы, Марти Козински и Джо Ходж, погибли. Мы были очень близки с ними.

Митч опустился на журнальный столик. С Козински он встречался, когда приезжал сюда второй раз, в апреле, – вместе с Ламаром они втроем как-то обедали в небольшом ресторанчике на Франт-стрит.

Козински оставалось до партнерства не так долго, однако вид у него был совсем не радостный. Джо Ходжа Митч припомнить не смог.

– Что случилось? – спросил он.

Рыдания прекратились, но слезы все еще текли по щекам Кей. Она вытирала их и смотрела на Митча.

– Мы еще точно не знаем. Они занимались подводным плаванием на Большом Каймане. На их лодке что-то взорвалось, и мы думаем, что они утонули. Ламар сказал, подробности пока неизвестны. Несколько часов назад в фирме было совещание, всех оповестили. Ламар еле добрался до дома.

– Где он?

– Около бассейна. Ждет тебя.

Ламар сидел в металлическом шезлонге у садового стола под зонтиком, в нескольких футах от стенки бассейна. Неподалеку от клумбы с цветами из травы торчала головка садовой дождевальная установки. Через равные промежутки времени из нее били струйки воды и по идеальной дуге приземлялись на стол, на зонтик, на шезлонг и сидящего в нем Ламара Куина. Он был насквозь мокрым. Вода капала с носа, ушей, волос. Голубую рубашку и брюки можно было выжимать. Обuvi и носков на нем не было.

Ламар сидел совершенно неподвижно, не вздрагивая даже от новой порции воды. Видимо, он утратил всякую чувствительность. Взгляд его удерживала какая-то штука в луже воды на бетонной дорожке у ограждения бассейна, казавшаяся банкой пива.

Митч посмотрел по сторонам, надеясь, что никто из соседей не глазеет на происходящее. Соседи не могли ничего видеть – заросли кипариса закрывали от нескромных глаз бассейн и газон. Митч обошел бассейн и остановился там, где было еще сухо. Ламар наконец заметил его, кивнул, сделал слабую попытку улыбнуться и указал рукой на промокшее кресло рядом. Митч оттащил кресло чуть в сторону. Уселся.

Взгляд Ламара вновь вернулся к банке пива или чему-то на нее похожему – не разобрать. Казалось, прошла вечность, пока они

сидели и слушали негромкие выстрелы дождевальнoй установки. Время от времени Ламар встряхивал головой и пытался что-то сказать. Митч улыбался неловкой нервной улыбкой, вовсе не уверенный, что нужно что-то говорить.

– Ламар, мне очень жаль, – решил он наконец.

Повернув голову, тот посмотрел на Митча:

– Мне тоже.

– Я не знаю, что еще сказать.

Взгляд Ламара снова оторвался от непонятного предмета, он повел головой в сторону гостя. Мокрые волосы лезли ему в глаза, красные и совершенно больные.

– Да, понятно. Но говорить действительно нечего. Очень жаль, что это произошло именно сегодня. Не хочется приниматься за ужин.

– А уж об этом тебе не стоит беспокоиться. Ни о каком ужине я и думать сейчас не могу.

– Ты их помнишь? – спросил Ламар, смахивая с губ капельки воды.

– Помню Козински, Ходжа – нет.

– Марти Козински был одним из моих лучших друзей. Он из Чикаго. Пришел в фирму за три года до меня и вот-вот должен был стать компаньоном. Опытнейший юрист, мы все им восхищались. Пожалуй, лучший посредник фирмы, блестяще вел переговоры, он не поддавался никакому давлению.

Ламар уставился в землю. Когда он вновь заговорил, то стекавшая с кончика носа вода заметно исказила его произношение.

– Трое детей. Его девочки-близнецы всего на месяц старше нашего сына, они всегда играли вместе... – Он не сдержался и заплакал, закусив нижнюю губу и прикрыв глаза.

Митч почувствовал себя совсем неловко, ему захотелось уйти. Он отвел взгляд в сторону.

– Мне очень жаль, Ламар. Очень.

Ламар взял себя в руки, но слезы еще текли по щекам. Митч посмотрел на кран, он дважды собирался попросить разрешения

закрывать воду и оба раза решал потерпеть еще, если уж Ламар терпел. Вдруг это действительно поможет? Он бросил взгляд на циферблат – часа через полтора стемнеет.

– Это был несчастный случай? – спросил он.

– Мы знаем совсем немного. Они ныряли с аквалангами, и на лодке произошел взрыв. Инструктор, местный житель, тоже погиб. Сейчас там занимаются отправкой их тел сюда.

– А что с их женами?

– Они, слава Богу, дома. Это была деловая поездка.

– Не могу вспомнить, как выглядел Ходж.

– Он был высоким блондином, не очень-то разговорчивым. Таких часто встречаешь, но никогда не можешь запомнить. Окончил Гарвард, как и ты.

– Сколько ему было лет?

– И ему и Козински было по тридцать четыре. Он бы стал компаньоном сразу после Марти. Они дружили. Собственно, все мы очень дружны, особенно сейчас.

Обеими руками Ламар откинул волосы со лба на затылок, встал, прошел туда, где было сухо. Вода текла с него ручьями. Он остановился рядом с Митчем, глядя на крыльцо соседей.

– Ну, как «БМВ»?

– Замечательно. Отличная машина. Спасибо, что позаботился об этом.

– Когда ты приехал?

– Сегодня утром.

– А дама приходила? Специалист по интерьерам?

– О да. Эбби с ее помощью потратила всю мою зарплату за следующий год.

– Это хорошо. И дом у тебя прекрасный. Мы рады тебе, Митч. Извини, что все так получилось, но тебе здесь понравится.

– Тебе не за что извиняться.

– Мне по-прежнему не верится. Я просто в шоке. Становится нехорошо, как подумаю о его жене и детях. Пусть меня лучше

отстегают хлыстом, но к ним я сейчас просто не в состоянии идти.

Во двор дома вышли женщины и направились к бассейну. Кей завернула кран, струйки воды перестали бить в небо.

Вместе с потоком машин они двигались в направлении центра, на запад, прямо в заходящее солнце. Они держались за руки и молчали. Митч открыл лючок в крыше автомобиля, опустил стекла. Эбби, покопавшись среди старых кассет в бардачке, вытащила запись Спрингстина, вставила в стереомагнитола. Звучание было великолепным. Новая, поблескивающая в последних лучах солнца машина стремительно неслась вперед, к реке. Вместе с сумерками на летний Мемфис наваливалась душная густая влажность. Оживали площадки для игры в софтбол: на них выходили команды упитанных мужчин в обтягивающих трико и ярких майках, размечали поле, готовясь вырвать друг у друга победу. Набитые подростками автомобили резко тормозили у придорожных забегаловок, где можно было выпить пива, потрепаться, познакомиться с девушками.

Митч начинал улыбаться. Он старался выбросить из головы Ламара, Козински и Ходжа. Зачем грустить? Они же никогда не были его друзьями. Впрочем, ему было жаль их семьи, хотя он никогда не видел жен и детей погибших. А у него, Митчела И. Макдира, простого парня без роду, без племени, было все, чтобы ощущать себя счастливым: красавица жена, новый дом, новый автомобиль, новая работа, новенький диплом Гарвардского университета. Блестяще организованный ум и крепкое тело, которое не набирало веса и не требовало долгих часов сна для отдыха. Восемьдесят тысяч в год, на первых порах. Через два года он перевалит за сто тысяч, и все, что для этого требуется, – работать по девяносто часов в неделю. Да это смахивает на благотворительность!

Автомобиль свернул на заправку. Митч залил бак доверху, расплатился, купил шесть пачек кукурузных хлопьев. Эбби тут же вскрыла две. «БМВ» опять влился в общий поток. Тоска ушла.

– Поужинаем где-нибудь? – спросил он.

– Надо бы переодеться, – ответила Эбби.

Митч окинул взглядом ее стройные загорелые ноги. Эбби была в белой юбке выше колен и в белой же блузке, все – из хлопка. Сам Митч сидел за рулем в шортах, шлепанцах и выгоревшей на солнце черной майке.

– С такими ногами, как у тебя, мы бы прошли в любой ресторан Нью-Йорка. Как насчет «Рандеву»? Для него мы прилично одеты?

– Замечательная мысль.

Они нашли в центре города местечко на платной стоянке, заплатили и прошли пешком пару кварталов до неширокой тенистой улочки, где летний воздух сгущался, как туман, от аромата жаренного на углях мяса. Этот аромат проникал в ноздри, рот, дымком въедался в глаза, опускался вниз, к желудку, и оттуда давал команду мозгу. Дивный запах вырывался наружу вместе с дымом по вентиляционным трубам, окружавшим массивные печи, в которых в лучшем ресторане города, на весь мир прославившемся жареными свинными ребрышками, эти самые ребрышки сейчас и подрумянивались. Ресторан располагался ниже уровня улицы, в подвальном этаже старого здания из красного кирпича, которое давно бы снесли, если бы не превосходная еда, превратившая «Рандеву» в местную достопримечательность.

Ресторан обычно бывал полон, существовала даже очередь, но по четвергам напряжение, видимо, спадало. Они прошли через похожий на пещеру зал и устроились за небольшим столиком, покрытым красной клетчатой скатертью, ловя на себе любопытные взгляды. Мужчины замирали и забывали о еде, когда Эбби Макдир проходила мимо, невозмутимая, как фотомоделль. Однажды в Бостоне, идя по тротуару, она стала причиной пробки на перекрестке – на нее засмотрелся какой-то водитель. Присвистывание и возгласы восхищения вслед были неотъемлемой частью ее жизни, и даже ее муж привык к этому. Митч был очень горд тем, что его жена красива.

Чернокожий гигант в красном фартуке с рассерженным видом стоял перед ними.

– Да, сэр. – Голос его был требовательным.

Карточки меню лежали на каждом столе и были абсолютно ни к чему. Ребрышки. Только ребрышки.

– Две полных порции, тарелку сыра, пива – один кувшин, – мгновенно выпалил Митч.

Ни блокнота, ни ручки у официанта не было, он просто повернулся и гулким голосом прокричал в сторону входа:

– Дашь два полных, сыр, кувшин!

Когда он отошел, Митч под столом коснулся ноги жены. Эбби слегка шлепнула его по руке.

– Ты прекрасна, – сказал он ей. – Когда я в последний раз говорил тебе об этом?

– Часа два назад, – отозвалась Эбби.

– Два часа! Тупица безмозглый!

– А ты делай так, чтобы потом не упрекать себя.

Он положил руку на ее колено и ласково погладил. Теперь Эбби позволила ему это. Сдаваясь, она улыбнулась, на щеках – ямочки, зубы в полумраке поблескивали, глаза, как у кошки, светились. Темно-каштановые волосы изящно спадали чуть ниже плеч.

Принесли пиво, официант наполнил кружки. Эбби сделала маленький глоток, посерьезнела.

– Как ты думаешь, с Ламаром все в порядке?

– Не знаю. Сначала мне показалось, что он пьян. Я сидел как последний идиот и смотрел, как он мокнет под водой.

– Бедняга. Кей сказала мне, что похороны состоятся, наверное, в понедельник, если тела привезут сюда вовремя.

– Давай-ка поговорим о чем-нибудь другом. Не люблю я похорон, никаких, даже если я должен там присутствовать только из приличия и никого из умерших не знал. С похоронами у меня уже есть кое-какой печальный опыт.

В этот момент принесли ребрышки на картонных тарелках. На стол поставили также блюдо с нашинкованной капустой и запеченной фасолью. Но прежде всего ребрышки, длиной чуть ли не в фут, обильно политые соусом, секрет которого известен только шефу. Они приступили к еде.

– А о чем ты хочешь поговорить? – Эбби перевела дух.

– О том, что тебе пора бы уже... – Он выразительно посмотрел на ее живот.

– Я думала, мы можем подождать несколько лет.

– Можем. Но пока нам нужно прилежно тренироваться.

– Мы тренировались в каждом мотеле по дороге из Бостона в Мемфис.

– Я помню, а в новом доме еще ни разу. – Из-за неловкого движения соус брызнул Митчу прямо в глаза.

– Но мы же только утром приехали, Митч!

– Знаю. А чего мы ждем?

– Митч, ты ведешь себя так, как будто я совсем про тебя забыла.

– А ты и забыла. С самого утра. Предлагаю заняться этим сегодня же вечером, как только приедем домой, это будет как бы обрядом крещения нашего нового жилища.

– Посмотрим.

– Обещаешь? Смотри-ка, видишь парня, вон там? Похоже, он сейчас вывихнет себе шею, пытаюсь увидеть чью-то ножку. По моему, я должен подойти и отхлестать его ремнем по заднице, а?

– Обещаю. Договорились. Не обращай внимания на тех парней, они смотрят на тебя, думаю, они считают тебя ловчилой.

– Очень остроумно.

Митч справился со своей порцией и теперь уминал ее половину. Допив пиво, они расплатились и выбрались на свежий воздух. Сели в машину. Он не спеша ехал по городу, пока не увидел табличку с названием улицы, которая была неподалеку от их дома. Пару раз замешкавшись на поворотах, он въехал на Медоубрук, и около дома мистера и миссис Митчел И. Макдир «БМВ» остановился.

Кровати еще не были собраны, и подушки матрасов лежали на полу, окруженные какими-то ящиками. Хорси спрятался под лампой на полу и всю ночь наблюдал за тем, как они тренировались.

Через четыре дня, в понедельник, который должен был стать первым рабочим днем Митчела в фирме Бендини, сам Митч вместе с женой, окруженный своими теперь уже тридцатью девятью коллегами и их женами, пришел отдать последний долг Мартину С. Козински. Кафедральный собор был полон. Оливер Ламберт произнес настолько прочувствованное прощальное слово, что даже у Митча, похоронившего отца и брата, глаза были на мокром месте. Увидев вдову и детей, Эбби расплакалась.

В том же составе все встретились и после полудня – в пресвитерианской церкви, где происходило прощание с Джозефом М. Ходжем.

Глава 5

Когда ровно в восемь тридцать утра, как и договаривались, Митч вошел в небольшую приемную, примыкавшую к офису Макнайта, она была пуста. Едва слышно присвистнув и кашлянув, он принялся нетерпеливо ждать. Откуда-то из-за шкафа с папками появилась древняя седовласая старушонка-секретарша и бросила на него сердитый взгляд. Митч объяснил ей, что он должен встретиться с мистером Макнайтом в им самим назначенное время. Секретарша улыбнулась, сказала, что ее зовут Луиза и что она вот уже тридцать первый год является личным секретарем мистера Макнайта. Не захочет ли молодой человек выпить кофе? С удовольствием, согласился Митч, черный. Секретарша вышла и тут же вернулась с чашечкой на блюдце. По интеркому она связалась со своим боссом, после чего предложила Митчу присесть. Теперь она его вспомнила – кто-то из коллег указал ей на него вчера во время похорон.

Она извинилась перед ним за мрачную атмосферу – никто не может работать, пояснила она, и пройдут дни, прежде чем все войдет в норму. Такие приятные молодые люди! Зазвонил телефон на ее столе, и она сказала в трубку, что у мистера Макнайта важное совещание и беспокоить его нельзя. Раздался еще один звонок, выслушав, она провела Митча в кабинет своего патрона.

Вошедшего приветствовали Оливер Ламберт и хозяин кабинета, управляющий Ройс Макнайт. Тут же Митчела представили двум другим компаньонам, Виктору Миллигану и Эйвери Толару. Все расселись за небольшим столом. Луизу попросили принести еще кофе. Миллиган заправлял в фирме налогами, а Толар, ему был сорок один, был молодым в общем-то компаньоном.

– Митч, ты должен нас извинить за такое не совсем радостное начало, – заговорил первым Макнайт. – Хорошо, что ты вчера вместе со всеми был на похоронах, хотя, повторяю, нам очень жаль, что твой первый день в нашей фирме оказался таким печальным.

– Я чувствовал, что не могу не пойти на похороны.

– Мы гордимся тобой, Митч, мы возлагаем на тебя очень большие надежды. Мы потеряли двух замечательных юристов, оба они занимались налогами, так что ты сейчас нам просто необходим. Нам всем теперь придется работать более напряженно.

Вошла Луиза с подносом, на нем – серебряный кофейник, чашки тонкого фарфора.

– Нам очень грустно, – сказал Ламберт, – раздели нашу скорбь с нами, Митч.

Мужчины склонили головы. Ройс Макнайт просматривал какие-то записи в блокноте.

– Митч, по-моему, мы с тобой об этом уже говорили. Нового сотрудника мы всегда закрепляем за компаньоном, который направляет его деятельность. Вопрос их взаимоотношений довольно важен. Мы стараемся подобрать такого компаньона, с которым нетрудно сработаться, и, как правило, не ошибаемся. Если же это происходит, мало ли что, то мы просто подбираем другого. Твоим партнером будет Эйвери Толар.

Митч смущенно улыбнулся ему.

– Он будет твоим непосредственным руководителем, и все дела, над которыми ты будешь работать, – это его дела. Фактически ты будешь заниматься только налогами.

– Отлично.

– Митч, давай пообедаем сегодня вместе, – повернулся к нему Толар.

– С удовольствием.

– Возьмите мой лимузин, – предложил Ламберт.

– Я это и собирался сделать, – ответил Толар.

– А когда у меня будет лимузин? – спросил Митч.

Все рассмеялись, похоже, благодарные ему за то, что он постарался разрядить атмосферу.

– Лет через двадцать, – отозвался Ламберт.

– Я терпелив.

– Как твой «БМВ»? – Это был Миллиган.

– Замечательно! Пробежит пять тысяч миль без всякого обслуживания.

– С переездом все в порядке?

– Да, отлично. Я очень благодарен фирме за помощь. Здесь нас так тепло встретили. Мы с женой очень всем признательны.

Макнайт согнал с лица улыбку и вновь уткнулся в блокнот.

– Как я уже говорил, Митч, главное сейчас – сдать экзамен по адвокатуре. До него у тебя есть шесть недель, можешь рассчитывать на любую помощь. У нас есть свой собственный курс подготовки к нему, и ведут этот курс самые опытные компаньоны. В ходе подготовки будут затронуты все аспекты экзамена, и руководство фирмы станет внимательно контролировать твои успехи, особенно тщательно этим займется Эйвери. По крайней мере полдня у тебя должно уходить на подготовку, да и большая часть твоего свободного времени тоже. Никто из сотрудников фирмы не проваливал этого экзамена.

– Я тоже не буду первым.

– Но если это случится, у тебя отберут «БМВ», – сказал Толар с легкой усмешкой.

– У тебя будет секретарша, ее зовут Нина Хафф. Она работает в фирме более восьми лет.

Несколько темпераментна, не очень симпатичная, но весьма работоспособная. Она неплохо знает право и любит иногда давать советы, особенно новичкам. Сам решишь, устроит она тебя или нет. Если нет – подыщем другую.

– Где мой офис?

– На втором этаже. Дизайнер по интерьерам, ты с ней уже встречался, подойдет после обеда. Следуй ее советам, насколько возможно.

Ламар тоже работал на втором этаже, и мысль об этом подействовала на Митчела успокаивающе. Ему вдруг вспомнилось,

как он сидел у бассейна, промокший, бормочущий что-то со слезами на глазах.

– Митч, – донесся до него голос Макнайта, – боюсь, я забыл упомянуть кое о чем во время нашей первой беседы.

Митч чуть подождал, затем неторопливо спросил:

– Ну и что же это?

Сидящие внимательно вслушивались в слова Макнайта.

– Мы никогда не позволяем новому сотруднику начать его карьеру в фирме, не рассчитавшись со студенческими займами. Мы предпочитаем, чтобы у тебя по иному поводу болела голова и чтобы ты иначе тратил свои деньги. Какова сумма долга?

Митч глотнул кофе, мозг его быстро работал.

– Почти двадцать три тысячи.

– Начни завтрашний день с того, что положи все документы по займам на стол Луизы.

– Вы... гм-м... имеете в виду, что фирма все оплатит?

– Такова наша политика. Если ты, конечно, не против.

– Нисколько не против. Просто я не знаю, что сказать.

– Тебе и не нужно ничего говорить. Мы делали это для каждого нового сотрудника на протяжении последних пятнадцати лет. Просто передай бумаги Луизе.

– Но это очень великодушно, мистер Макнайт.

– Да, это так.

Пока лимузин медленно продвигался вперед по забитым машинами улицам города, Эйвери говорил без умолку. Митч напомнил ему его молодость, говорил он. Ребенок из распавшейся семьи, воспитанный приемными родителями где-то на юго-западе Техаса. По окончании школы он оказался предоставленным самому себе, работал в ночную смену на обувной фабрике, чтобы скопить денег на учебу в колледже. Ему посчастливилось получить благотворительную стипендию. Колледж окончил с отличием, разослал заявления о приеме в одиннадцать вузов и остановил свой

выбор на Стэнфордском университете. Окончил факультет права вторым на курсе и отказался от предложений всех самых крупных фирм на западном побережье. Он хотел заниматься налогами, и ничем иным. Оливер Ламберт нашел его шестнадцать лет назад, когда в фирме не было и тридцати человек.

Толар был женат, имел двоих детей, но о семье говорил мало. Его больше интересовали деньги. Они были его страстью, как сказал он. В банке уже лежал первый миллион, второй ожидался через пару лет. С ежегодным доходом в четыреста тысяч вряд ли это потребует больше времени. Его специальностью было создание товариществ по закупке супертанкеров. В своем деле Толар слыл профессионалом, ставка его составляла триста долларов в час, а работал он шестьдесят, иногда семьдесят часов в неделю.

Митч начинал со ста долларов в час и пятичасового по меньшей мере рабочего дня до тех пор, пока он не сдаст экзамен. После этого – восемь часов, по сто пятьдесят долларов за каждый. Скрупулезный учет рабочего времени и объема проделанной за день работы, или, как в фирме говорили, оформление счетов, – вот что являлось фундаментом процветания. Каждый вел свои счета сам. От них зависело абсолютно все: продвижение по службе, повышение окладов, премии, льготы, успех – словом, выживание. Новичкам в этом вопросе уделялось особое внимание. Если кого-то уличали в несерьезном отношении к этим ежедневным калькуляциям, то делалось серьезное предупреждение. Эйвери не помнил ни одного в свой адрес. Было бы просто неслыханно, сказал он, чтобы кто-то позволил себе пренебречь столь важным делом.

Для сотрудников средняя почасовая ставка равнялась ста семидесяти пяти долларам. Для компаньонов – тремстам. Миллиган с некоторых своих клиентов брал по четыреста в час, а Натан Лок запросил однажды даже пятьсот – за какую-то работу, связанную с налоговым обеспечением сложной сделки по обмену недвижимости в нескольких странах. Пятьсот долларов в час! Эйвери доставил себе удовольствие, чуть развив мысль: пятьсот в час, умноженные на

пятьдесят часов в неделю и на пятьдесят недель в году, дают один миллион двести пятьдесят тысяч долларов! За один год. Вот как делают деньги в их бизнесе. Человек начинает свое дело с несколькими компаньонами, и вырастает династия. С приходом каждого нового человека увеличивается общая прибыль, так-то.

Не пренебрегай оформлением счетов, предупреждал он Митча. Это первое правило выживания. Если вдруг закончатся папки, с которыми работаешь, тут же дай знать ему, Эйвери, у него в офисе их предостаточно. В десятый день каждого месяца во время обеда компаньоны обсуждают положение дел со счетами за предыдущий месяц. Это настоящий обряд, священнодействие. Ройс Макнайт зачитывает имя компаньона и сумму, которую он заработал фирме за прошедший месяц. Среди компаньонов существует даже подобие некой конкуренции. В конце концов, все они становятся богаче, разве нет? Что касается сотрудников, то никто не упрекнет того, у кого самый низкий итоговый показатель, если в следующем месяце цифра возрастет. Позже Оливер Ламберт объяснит это все подробнее. Но еще ни у кого в фирме не было низких показателей три месяца подряд. Сотрудникам с особенно высокими показателями могут выплачиваться премии. Сумма гонораров играет важную роль при переводе сотрудника в ранг компаньона. Поэтому – не пренебрегай предложениями! Это превыше всего, после сдачи экзамена, конечно.

Экзамен – чепуха, просто формальность, через которую нужно пройти, ритуал, не более. Выпускнику Гарварда опасаться нечего. Просмотришь наш повторительный курс, вспомнишь, чему учили, говорил Эйвери, и достаточно.

Лимузин свернул в боковую улочку между двумя высокими зданиями и остановился у растянутого поперек тротуара тента, ведущего к металлической двери, выкрашенной в черный цвет. Эйвери посмотрел на часы и бросил шоферу:

– Подъедешь сюда к двум.

«Два часа на обед, – подумал Митч. – Это больше шестисот долларов. На ветер!»

Клуб «Манхэттен» занимал последний, десятый, этаж здания, которое в начале пятидесятых было целиком заселено какими-то конторами. Толар окрестил его развалиной, но не преминул сообщить Митчу, что клуб известен в городе дорогим рестораном и изысканной кухней. Доступ в него был открыт только белым мужчинам, обстановка была роскошной. Знатные обеды для знатных людей: банкиров, юристов, чиновников высокого ранга, антрепренеров, немногих политиков и горстки аристократов. Позолоченный изнутри лифт без остановок промчался через покинутые конторами этажи и замер на элегантно отделанном последнем. Представительный метрдотель обратился к спутнику Митча по имени, осведомился о здоровье Оливера Ламберта и Натана Лока, выразил сочувствие по поводу гибели Козински и Ходжа. Эйвери поблагодарил и представил ему нового члена фирмы. Лучший столик ждал их в углу. Безупречно вышколенный черный официант, Эллис, предложил гостям меню.

– В фирме не разрешается принимать спиртное во время обеда, – заметил Эйвери, открывая меню.

– Я и не пью во время обеда.

– Вот и хорошо. Что будешь?

– Чай со льдом.

– Чай со льдом для моего друга, – обратился Эйвери к официанту, – а мне сухой мартини, и положи туда три оливки.

Митч прикусил язык и ухмыльнулся, прикрывшись меню.

– Слишком много у нас всяких правил, – пробормотал Эйвери.

За первым мартини последовал второй, но на этом Толар остановился. Он сделал заказ за обоих: какая-то жаренная на огне рыба, блюдо дня. Ему приходится следить за своим весом, объяснил он Митчу. Помимо прочего, добавил Эйвери, он ежедневно ходит в спортивный клуб, свой собственный клуб. Почему бы Митчу не прийти как-нибудь и не попотеть вместе? Как-нибудь после

экзамена, а? После этого Митч отвечал на его стандартные вопросы о футболе, с излишней скромностью умаяя свои достижения.

В свою очередь, Митч спросил его о детях. Эйвери ответил, что они живут вместе с их матерью.

Рыба оказалась сыроватой, а картофель был просто недопечен. Митч ковырял вилкой в салате и слушал рассуждения своего патрона о других обедающих в зале. Вон за тем большим столом сидит мэр с каким-то японцем. За соседним столиком – один из банкиров фирмы. Там дальше – кое-кто из коллег по профессии. Митч заметил, что ели все увлеченно и в то же время со значимостью, как, собственно, и должны такие люди есть. Атмосфера была самая что ни на есть пуританская. По словам Эйвери, выходило, что каждый из обедающих являлся весьма важной персоной как в своем деле, так и в городе. Эйвери был здесь дома.

Они оба отказались от десерта и заказали кофе. Митч должен быть на своем месте не позже девяти часов утра, объяснял ему Толар, раскуривая длинную, тонкую, золотистого цвета, сигару. Секретарши приходят к восьми тридцати. Заканчивается рабочий день в пять часов пополудни, но никто не работает по восемь часов ежедневно. Он сам, например, приходит к восьми и редко уходит раньше шести. Он может позволить себе вписывать в счета по двенадцать часов каждый день, вне зависимости от того, сколько часов фактически был занят работой. Пять дней в неделю по двенадцать часов. По триста долларов час. В течение пятидесяти недель. Девятьсот тысяч долларов в год. Такова его норма. Правда, в прошлом году из-за обстоятельств личного характера он дотянул только до семисот. Фирму не волнует, придет Митч в шесть утра или только в девять, если работа, порученная ему, будет сделана.

– А во сколько открывают двери здания? – спросил Митч.

У каждого есть свой ключ, так что прийти и уйти можно в любое время. Меры безопасности соблюдаются очень строго, но охрана давно привыкла к трудоголикам. Некоторые из привычек сослуживцев стали легендой. Виктор Миллиган в молодости работал

по шестнадцать часов в день, семь дней в неделю, и так до тех пор, пока не стал компаньоном, после чего прекратил работать по воскресеньям. У него случился сердечный приступ, и он был вынужден пожертвовать и субботами. Лечащий врач посадил его на «диету»: не более десяти часов в день, пять дней в неделю, и с тех пор он чувствует себя совершенно несчастным. Марти Козински знал в лицо и по именам всех уборщиц. Он приходил к девяти, поскольку хотел завтракать вместе с детишками. А уходил в полночь. Натан Лок притворяется, что не может нормально работать после прихода секретарш, и вот он является к шести. Это будет просто позором – прийти позже. Вот перед вами старик, которому шестьдесят один год и который стоит десять миллионов долларов. А ведь он работает с шести утра до восьми вечера пять дней в неделю, да еще прихватывает половину субботы. И что же – уходить на покой? Да он тут же умрет.

Можно приходить и уходить когда захочешь, никто не будет смотреть на часы. Лишь бы дело делалось.

Митч сказал, что все понял. Шестнадцать часов в день? В этом не будет для него ничего нового.

Эйвери похвалил его новый костюм. Неписаное правило в одежде все-таки было, но Митч его усвоил быстро. У него есть неплохой портной, сказал Эйвери, старенький кореец, его можно будет рекомендовать Митчу позже, когда он сумеет оплачивать такие счета. Какие? Полторы тысячи за костюм. Митч сказал, что подождет годик-другой.

Извинившись, их беседу прервал адвокат какой-то крупной фирмы. Он обратился к Толару с выражением сочувствия и расспросами о семьях погибших. В прошлом году ему пришлось вместе с Джо Ходжем работать по одному делу, и он до сих пор никак не может поверить, что произошло несчастье. Эйвери представил его Митчу. Оказывается, тот тоже был на похоронах. Они сидели с Толаром и ждали, когда незваный гость уйдет, но он все

говорил, говорил, все сожалел и сожалел. Было ясно, что ему хочется узнать подробности. Поскольку Эйвери молчал, тот наконец убрался.

К двум часам обедающая знать города уже выпустила пар, в зале начинало пустеть. Эйвери подписал чек, и метрдотель проводил их до выхода. За рулем лимузина их терпеливо дожидался водитель. Митч потянул на себя заднюю дверцу и развалился на мягком кожаном сиденье. Разглядывая проносящиеся мимо здания и автомобили, спешащих куда-то пешеходов, он вдруг подумал: а многие ли из них сидели в лимузине? Или были гостями «Манхэттен-клуба»? Сколько человек из них разбогатеют через десять лет? Он улыбнулся своим мыслям и почувствовал себя совсем хорошо. Гарвард находился от него за тысячу миль. И никаких долгов! А Кентукки был просто на другой планете. Прошлого для Митча не существовало. Он родился только что.

Уже знакомая ему женщина-дизайнер ждала его в кабинете. Эйвери извинился и попросил Митча прийти к нему в офис через час – пора приниматься за дело. Дизайнер принесла альбомы с образцами мебели и прочего. Он попросил ее высказать свое мнение, выслушал его, а затем доверительно объяснил, что полностью полагается на ее вкус и заранее одобряет сделанный ею выбор. Ей понравился письменный стол вишневого дерева, без всяких ящичков, легкие стулья с подлокотниками, обтянутые темно-коричневой кожей, и дорогой восточный ковер. Митч посчитал все это великолепным.

Она вышла, и Митч уселся за старый письменный стол, который прекрасно выглядел и полностью бы его устроил; но нет, поскольку им уже пользовались, он не мог считаться достаточно хорошим для нового юриста фирмы Бендини. Офис его был размером пятнадцать на пятнадцать футов, с двумя большими окнами, выходящими на север. Из окон открывался вид на такие же окна второго этажа соседнего старого здания. Ничего захватывающего. Правда, если вытянуть шею, в уголке окна можно было увидеть полоску реки. Оклеенные обоями стены совершенно голы – кажется, она выбрала

какую-то гравюру? Митч решил, что стена, которую он видит перед собой, сидя за столом, будет его стеной: на ней в рамках будут висеть его дипломы, лицензии и прочее. Для сотрудника кабинет был не так уж и мал, гораздо больше тех комнатушек, в которых сидели новички в Нью-Йорке и Чикаго. Пару лет можно проработать и здесь. Затем перебраться в другой, с приличным видом из окна. Ну а потом в «угол», в «кабинет власти».

Постучавшись, вошла мисс Нина Хафф, его секретарша. Они представились друг другу. Нина была крупной женщиной лет сорока пяти, и с первого взгляда становилось ясно, почему она до сих пор одинока. Не будучи отягощена семьей, она, видимо, тратила деньги исключительно на одежду и косметику – и все впустую. У Митча мелькнула мысль: почему бы ей не открыть салон красоты? Занялась бы собой еще серьезнее. Она тут же ему выложила, что работает в фирме восемь с половиной лет и о делопроизводстве знает все, что о нем стоит знать. Если у него возникнут какие-либо вопросы, он может проконсультироваться у нее. Митч поблагодарил мисс Хафф за любезность. Она сообщила ему, что в последнее время была на должности машинистки и очень рада возможности вернуться к работе секретаря. С видом полного понимания ее проблем Митч значительно кивнул головой. Знает ли он, как управляться с диктофонами? Да, знает. Год назад он проходил практику в довольно крупной фирме на Уолл-стрит, там работали триста человек, и фирма была оснащена по последнему слову техники. Но если у него будут проблемы, заверил ее Митч, он обязательно обратится к ней за помощью.

– Как зовут вашу жену? – спросила мисс Хафф.

– А для чего вам нужно это знать?

– Мне бы хотелось называть ее по имени, когда она будет звонить сюда. Я и в телефонных разговорах привыкла быть вежливой и дружелюбной.

– Эбби.

– А какой кофе вы предпочитаете?

- Черный. Но я варю его сам.
- Что вы, я не против того, чтобы варить для вас кофе! Это моя обязанность.
- Я варю себе кофе сам.
- Но это делают все секретарши.
- Если вы хоть раз прикоснетесь к моему кофе, я обещаю вам проследить, чтобы вас отправили в канцелярию лизать марки.
- У нас марки наклеивает машина. А на Уолл-стрит их лижут?
- Это была метафора.
- Хорошо. Имя вашей жены я запомнила, вопрос с кофе мы обсудили. Я готова приступить к работе.
- С утра. Будьте здесь в восемь тридцать.
- Да, босс.

Она вышла, и Митч улыбнулся. «Дерзкая баба, – подумал он, – зато с ней не соскучишься».

Следующим посетителем оказался Ламар. Он опаздывал на встречу с Натаном Локом, но ему хотелось заглянуть на секунду к другу. Он был доволен, что их кабинеты рядом. Еще раз извинился за несостоявшийся ужин. Да, конечно, он вместе с Кей и детьми будет у них сегодня к семи, чтобы посмотреть дом и обстановку.

Хантеру Куину уже исполнилось пять лет, а его сестре Холли – семь. Оба сидели за новехоньким обеденным столом и, демонстрируя безукоризненные манеры, поедали спагетти, благовоспитанно пропуская мимо ушей то, о чем разговаривали взрослые. Эбби не сводила с них глаз и мечтала о собственных детишках. Митч находил их прелестными, но ему все не представлялось случая сказать об этом их родителям. Он мысленно переживал события дня снова и снова.

Женщины быстро покончили с едой и отправились рассматривать мебель и судачить о том, как лучше ее расставить. Малыши потащили Хорси во двор.

– Меня несколько удивило, что они дали тебе Толара, – вытирая губы салфеткой, бросил Ламар.

– Почему?

– По-моему, он раньше никого не опекал.

– Тому есть причины?

– Вряд ли. Он отличный парень, но не командный игрок, замкнут. Предпочитает работать один. У них с женой какие-то проблемы, ходит слух, что они живут отдельно. Но он все держит в себе.

Митч отодвинул тарелку, сделал глоток чая со льдом.

– Он хороший юрист?

– Да, очень. Они все хорошие юристы, если уж стали компаньонами. Большая часть его клиентов – богатые люди, которые не прочь подыскать прикрытия от налогов для своих миллионов. Он имеет дело с учреждением компаний с ограниченной ответственностью. Некоторые его ходы довольно рискованны, и он прославился тем, что всегда охотно вступает в борьбу с Национальным налоговым управлением. Почти все его клиенты известны стремлением к рискованной игре. Тебе придется попотеть, сидя над документами, но будет интересно.

– Во время обеда он объяснял мне, как оформлять свои счета.

– О, это важно. От нас постоянно требуют, чтобы наши счета росли. А что мы имеем на продажу? Только наше время. После того как сдашь экзамен, твои счета будут еженедельно просматривать Толар и Макнайт. Все это компьютеризировано, так что они смогут высчитать твою производительность с точностью до десяти центов. В течение первых шести месяцев твои счета должны покрывать тридцать – сорок часов в неделю. Затем на протяжении двух лет – пятьдесят. И прежде чем тебя будут рассматривать в качестве кандидата на партнерство, ты на протяжении нескольких лет будешь покрывать своими счетами не менее шестидесяти часов в неделю. Ни у кого из компаньонов нет показателей меньше этой цифры, и у большинства с максимальными почасовыми ставками.

– Немало.

– Да, вроде бы, но только на первый взгляд. Хороший юрист может работать восемь или девять часов в сутки и писать в счет двенадцать. Это называется подкладка, или подбивка. Может, это не совсем справедливо по отношению к клиенту, но это общепринятая практика. Все крупные фирмы выросли именно на этом. Своеобразная игра.

– Не очень-то этичная.

– А как же адвокаты, навязывающие свои услуги тем, кто пострадал от несчастных случаев? Неэтично юристу, представляющему интересы наркодельцов, получать гонорар наличными, если у него есть основания подозревать, что эти деньги – грязные. Вокруг нас полно неэтичных вещей. А что ты скажешь о враче из государственной больницы, принимающем по сотне пациентов в день? Или о хирурге, который делает абсолютно ненужную больному операцию? Знаешь, почти все мои клиенты и понятия не имеют об этике. Не так уж трудно подбить свой счет, если твой клиент – мультимиллионер, пытающийся изнасиловать правительство и желающий сделать это легально – с твоей помощью. Мы все занимаемся этим.

– Этому учат в фирме?

– Этому учишься сам. Когда начинаешь работать, много времени уходит на всякую чушь, но постепенно приходит навык, ты уже действуешь экономнее, идешь к цели прямо. Поверь, Митч, поработаешь с нами год и поймешь, как, работая десять часов в день, вставлять в счет двадцать. Это шестое чувство, которое появляется у юриста с опытом.

– А какой еще опыт я приобрету?

Ламар поболтал кубики льда в стакане, задумавшись.

– Наберешься немного цинизма – профессия работает на тебя. Когда учился, ты наверняка вынашивал благородные идеи о том, каким должен быть порядочный юрист. Борец за права личности, защитник конституции, последнее прибежище обиженных, принципиальный адвокат, стоящий на страже интересов своего

клиента. Но после шести месяцев практической работы ты начинаешь понимать, что ты всего лишь наемник, ловко подвешенный язык, продавшийся большим боссам, доступный любому мошеннику и подонку, имеющему достаточно денег, чтобы оплачивать твои сумасшедшие гонорары. И ничто уже не тревожит твою совесть. Все привыкли думать: право – удел достойных, но ты столкнешься с таким количеством бесчестных юристов, что тебе захочется поставить на этой профессии точку и попытаться подыскать работу почище. Да, Митч, ты станешь циником. А это грустно, поверь.

– Может, не стоило тебе говорить мне об этом в самом начале?

– Но ведь за это тебе будут платить. Ты не представляешь, какую грязную и нудную работу готов выполнять человек за двести тысяч долларов в год.

– Грязную и нудную? Но это звучит просто страшно, Ламар.

– Мне очень жаль, Митч. Однако все не так уж и плохо. С четверга мой взгляд на жизнь совершенно изменился.

– Может, хочешь посмотреть на дом? Он неплох.

– В другой раз. Давай лучше поболтаем.

Глава 6

Будильник на столике у новой кровати взорвался трезвоном в пять утра, но Митч тут же усмирил его. Пошатываясь со сна, он пробрался через темный дом к задней двери, где его нетерпеливо ждал Хорси. Он выпустил пса во двор, а сам отправился в душ. Через двадцать минут зашел в спальню, поцеловал спящую жену – она даже не пошевелилась. Улицы были пусты, и он добрался до Бендини-билдинг всего за десять минут. Митч решил, что день начнется для него в пять тридцать утра, если, конечно, кто-нибудь не придет еще раньше. Тогда завтра он будет на месте в пять, в четыре тридцать или в любое другое время, но – первым. Сон – чепуха. Сегодня он будет первым в офисе, и завтра тоже, и так каждый день до того момента, когда станет компаньоном. Если у других на это уходило десять лет, то он добьется своего через семь. Он твердо решил стать самым молодым в истории фирмы компаньоном.

Автостоянка у здания фирмы была обнесена цепью на столбиках, у въезда стояла будка охраны. На месте, где он должен был ставить свой «БМВ», между двух желтых полос, прямо на бетонном покрытии, краской нанесено его имя. У ворот Митч притормозил, ожидая, пока их откроют. Из темноты появился охранник в форме, подошел к дверце автомобиля. Митч нажал кнопку, стекло поползло вниз, и в образовавшуюся щель он протянул охраннику пластиковую карточку со своей фотографией.

- Вы, должно быть, новенький, – проговорил тот, глядя на пропуск.
- Да. Митч Макдир.
- Читать я умею. По машине можно догадаться.
- А как ваше имя?
- Датч Хендрикс. Тридцать три года в полицейском управлении Мемфиса.
- Рад знакомству, Датч.
- Взаимно. Ранняя пташка, да?

Митч улыбнулся и забрал у него пропуск.

– Нет. Я-то думал, что все давно здесь.

Датч натянуто улыбнулся:

– Вы первый. Чуть позже появится мистер Лок.

Ворота распахнулись, Датч махнул ему рукой в сторону стоянки. Митч нашел свое имя, написанное белой краской, и загнал свой чистенький «БМВ» на место в третьем ряду от стены здания. Подхватив с заднего сиденья свой изящный кожаный кейс, совершенно пустой, он аккуратно прикрыл дверцу автомобиля. У входа в здание его поджидал новый охранник. Митч представился и ему, глядя, как тот открывает дверь. Он посмотрел на часы: ровно пять тридцать. Стало чуть легче на душе – значит, пять тридцать достаточно рано для того, чтобы быть первым. Значит, остальные еще спят.

У себя в кабинете он щелкнул выключателем, подошел к столу, положил кейс. Вышел, направился по коридору в кухоньку, где стояла автоматическая кофеварка. Агрегат оказался большим и хитроумным: ручки, кнопки, воронки, краники – и никаких инструкций к этому сверкающему чуду. Примерно с минуту он потратил на детальный осмотр, после чего высыпал кофе из пакетика в воронку с ситечком, налил воды в отверстие в верхней панели и с довольным видом улыбнулся, увидев, что вода закапала в чашку.

В углу его кабинета на полу стояли три ящика, куда он в беспорядке свалил накопившиеся за годы учебы книги, папки, блокноты, тетради. Подняв один из ящиков, Митч поставил его на стол и начал разбирать.

После двух чашек кофе в третьем ящике он обнаружил материалы для подготовки к экзамену. Потянулся, подошел к окну, поднял жалюзи. Светлее стало не намного, поэтому он и не заметил внезапно появившегося в дверном проеме человека.

– Доброе утро!

Митч резко обернулся и уставился на вошедшего.

- Вы испугали меня, – сказал он и глубоко вздохнул.
- Прошу прощения. Я – Натан Лок. По-моему, мы не встречались.
- Меня зовут Митч Макдир, я новичок.

Они пожали руки.

– Да, знаю. Это моя вина, что мы не встретились раньше. Во время ваших двух приездов я был занят. Мне кажется, я видел вас на похоронах в понедельник.

Митч согласно наклонил голову, хотя и был уверен, что находился от него на расстоянии не меньше трехсот футов, иначе бы он сам его запомнил. Уж во всяком случае, глаза – холодные, черные, окруженные черными же морщинками. Глаза сильного человека. Незабываемые глаза. Волосы у Лока были совершенно белыми, редкими на самой макушке и погуще над ушами, их белизна резко контрастировала с цветом лица. Когда он говорил, глаза сужались, черные зрачки начинали неистово сверкать. Недобрые глаза, пронизательные и строгие.

– Очень может быть, – выговорил Митч, захваченный врасплох – никогда прежде он не видел такого зловещего лица. – Очень может быть.

– Я вижу, вы встаете рано.

– Да, сэр.

– Что ж, хорошо, что вы пришли к нам.

С этими словами Натан Лок оставил Митча одного, Митч даже высунул голову в коридор, а потом запер за собой дверь. «Ничего удивительного в том, что его держат на четвертом этаже, подальше от всех», – подумал он. Теперь ему стало ясно, почему не стоило встречаться с Локом до того, как он подписал контракт с фирмой. Он мог бы передумать. Спрятать бы этого Лока подальше от будущих кандидатов! У него просто дьявольское обличье, право слово. «И глаза, – подумал Митч, усаживаясь в кресло и устраивая ноги на столе. – Глаза».

Как Митч и предполагал, Нина принесла с собой кое-что перекусить. Она вошла в кабинет ровно в восемь тридцать, предложила ему пончиков, и он взял пару. Она тут же поинтересовалась, стоит ли ей по утрам приносить чего-нибудь легкого подкрепиться. Митч сказал, что это было бы весьма любезно с ее стороны.

– А что это такое? – спросила секретарша, указывая на разложенные на столе папки и книги.

– Этим нам нужно будет сегодня заняться. Упорядочить и классифицировать мои бумаги.

– Никакой диктовки?

– Пока нет. Через несколько минут у меня встреча с Эйвери. А пока мне необходимо навести здесь хоть какой-то порядок.

– Ах, как интересно! – воскликнула она, направляясь за кофе.

Эйвери Толар ждал его, держа в руках толстенную папку, которую тут же вручил Митчу.

– Это дело Кэппса. Вернее, часть его. Нашего клиента зовут Сонни Кэппс. Сейчас он живет в Хьюстоне, а родом из Арканзаса. Он стоит около тридцати миллионов, и денежки свои, все до последнего цента, держит крепко. В наследство от отца ему досталось несколько рассохшихся барж, а сейчас он стал владельцем крупнейшей транспортной компании на всей Миссисипи. Теперь его суда, или лодочки, как он зовет их, плавают по всему миру. Мы ведем восемьдесят процентов всех его юридических сделок, все, кроме судебных процессов. Сейчас он задумал создать еще одну компанию и приобрести новую флотилию танкеров, выкупить ее у семейства какого-то китайца, умершего в Гонконге. Кэппс обычно называет себя главой компании, а в компаньоны набирает человек двадцать пять, чтобы было с кем делить риск и объединять ресурсы. Это сделка на шестьдесят пять миллионов. Я уже сколачивал для него подобные товарищества, и все они были разными, все были хитроумными. К тому же с ним чрезвычайно трудно иметь дело. Он педант, и очень взыскательный, уверен, что знает гораздо больше

меня. Тебе разговаривать с ним не придется, да у нас тут никто, кроме меня, с ним и не общается. В этой папке – часть документации по последней компании, что я оформлял для него. Помимо всего прочего, ты найдешь здесь деловую записку с общей идеей замысла, соглашение сторон о создании товарищества, протоколы о намерениях, требования заинтересованных сторон и само соглашение о партнерстве. Не упускай из внимания ни слова. Я попрошу тебя, после того как ты вникнешь в суть, составить предварительный проект нового соглашения.

Папка в руках Митча сразу стала тяжелее. Похоже, пять тридцать – это поздногато.

Толар между тем продолжал:

– В нашем распоряжении дней сорок, и, по мнению Кэппса, мы уже опаздываем. С этими материалами, – указал он на другую папку, лежащую перед ним, – мне помогал Марти Козински. Я передам их тебе, как только просмотрю. Вопросы?

– А что с поисковой работой?

– В основном это текущая документация, но тебе нужно будет просмотреть ее. За прошлый год Кэппс заработал более девяти миллионов, а налогов заплатил жалкие гроши. Он не видит ни малейшего смысла в уплате налогов и требует от меня отчета за каждый цент, что идет в казну. Естественно, все делается на законных основаниях, я хочу только сказать, что это очень напряженная работа нервов. На карту поставлены миллионные инвестиции и огромная экономия на налоговых издержках. Эта сделка будет тщательным образом изучаться правительствами по крайней мере трех стран. Так что тебе понадобится все твое внимание.

Митч пролистал папку.

– Сколько времени в день мне тратить на это?

– Как можно больше. Я знаю, экзамен по адвокатуре очень важен. Но Кэппс важен не менее. В прошлом году он перечислил фирме гонораров на полмиллиона долларов.

– Я все сделаю.

– Уверен в этом. Я уже говорил тебе, что твоя ставка – сто долларов в час. Нина с сегодняшнего дня будет помогать тебе с хронометражем. И не забывай про счета!

– Как я могу забыть об этом?

Оливер Ламберт и Натан Лок стояли перед дверью на пятом этаже и смотрели в объектив телекамеры. Раздался громкий щелчок, дверь открылась, и охранник кивнул им. Де Вашер сидел у себя и ждал.

– Доброе утро, Олли, – сказал он спокойно, не обращая внимания на стоящего рядом другого компаньона.

– Что нового? – раздался резкий голос Лока. Он тоже не повернул головы в сторону Де Вашера.

– Где? – спокойно спросил тот.

– В Чикаго.

– Там очень беспокоятся, Нат. Независимо от того, что ты можешь предполагать, им совсем не хочется пачкать руки. Да и, говоря честно, они просто не понимают, с какой стати они должны это делать.

– Что ты имеешь в виду?

– Они задают кое-какие неудобные вопросы. Например, почему бы нам самим не держать своих людей в узде.

– И как ты им на это отвечаешь?

– Что все в порядке. Все отлично. Что фирма великого Бендини непоколебима. Все утечки ликвидированы, дело идет обычным порядком. Проблем нет.

– Много они успели навредить? – поинтересовался Ламберт.

– Неизвестно. Мы и не сможем ничего узнать, но я сомневаюсь в том, что они вообще передали какую-то информацию. Да, они намеревались, в этом сомнений нет, но, думаю, они так этого и не сделали. Из надежного источника мы узнали, что агенты ФБР были только на пути к острову, когда это произошло, и мы думаем, что их прогулка туда была напрасной.

- Откуда вам это стало известно? – спросил Лок.
 - Будет тебе, Нат. У нас свои источники. А потом, и на острове тоже есть наши люди. Мы умеем работать, ты должен знать об этом.
 - По-видимому.
 - Все было сделано чисто?
 - Да. Очень профессионально.
 - Каким образом туда затесался местный житель?
 - Мы были вынуждены, Олли, чтобы выглядело естественно.
 - А что тамошние власти?
 - Какие власти? Это крошечный тихий островок, Олли.
- В прошлом году там произошло убийство и четыре несчастных случая с аквалангистами. Там рассматривают это как еще один несчастный случай. Три утопленника.
- А как отреагировали агенты ФБР? – поинтересовался Лок.
 - Понятия не имею.
 - Я думал, у вас есть источник.
 - Есть. Но его никак не могут разыскать. Вчера, во всяком случае, о нем не было слышно. Все наши люди сейчас на острове, и там не замечено ничего необычного.
 - Долго вы еще там будете оставаться?
 - Еще пару недель.
 - Что, если там объявится ФБР?
 - Сядем им на хвост. Мы увидим их, когда они будут спускаться по трапу самолета. Доведем до гостиничных номеров. Можем даже прослушивать их телефоны. Мы будем знать, что они едят на завтрак и о чем болтают между собой. За каждым из них пойдут трое наших, так что когда кто-то отправится в сортир, мы и это узнаем. ФБР ничего не найдет там, Нат. Я же уже сказал, что это была очень аккуратная, профессиональная работа. Без свидетелей. Расслабься.
 - Мне становится дурно от всего этого, Де Вашер, – сказал Ламберт.
 - Ты думаешь, мне это нравится, Олли? А что нам остается делать? Сидеть сложа руки и ждать, пока они наговорятся? Хватит, Олли, все

мы люди. Я был против, но Лазаров сказал – сделай. Если ты хочешь поспорить с ним – давай, вперед. Потом твое тело тоже кто-нибудь найдет. А эти двое занялись не тем. Они должны были вести себя тихо, кататься на своих красивых машинах и играть в больших юристов. Нет, им захотелось почувствовать себя святыми.

Лок закурил сигарету, выпустил струю дыма в сторону Де Вашера. Разговор на секунду прервался, пока дым не рассеялся в воздухе. Де Вашер бросил на Лока взгляд, но не сказал ни слова.

Ламберт поднялся и уставился в стену рядом с дверью.

– Зачем ты хотел нас видеть? – спросил он.

Де Вашер глубоко вздохнул.

– Чикаго требует поставить на прослушивание домашние телефоны всех некомпаньонов.

– Я говорил тебе, – сказал Ламберт Локу.

– Это не моя идея, а они начинают давить. Там наверху они становятся все более нервными, поэтому и перестраховываются. Нельзя их в этом винить.

– Не кажется ли тебе, что это может завести слишком далеко?

– Согласен, это абсолютно бессмысленно. Но Чикаго думает иначе.

– И когда? – спросил Лок.

– Где-то на следующей неделе. Это займет несколько дней.

– Слушать будут всех?

– Некомпаньонов – всех. Так было сказано.

– И Макдира?

– Да, и Макдира. Я почти уверен, что Тарранс будет пытаться вновь, и на этот раз он может попробовать начать снизу.

– Я видел Макдира сегодня утром, он пришел раньше меня.

– В пять тридцать две, – уточнил Де Вашер.

Университетские конспекты были сметены на пол, и всю поверхность стола заняли документы из папки Кэппса. С обеда Нина принесла ему бутерброд с курятиной, и он съел его, вчитываясь в лежащие перед ним бумаги, в то время как Нина разбирала кучу на

полу. В начале второго Уолли Хадсон, или Дж. Уолтер Хадсон, как было написано на его фирменном бланке, явился для того, чтобы начать с Митчем подготовку к сдаче экзамена. Хадсон был специалистом по контрактам. Он уже пять лет работал в фирме и был в ней единственным выходцем из Виргинии, что сам он находил несколько странным, поскольку, по его мнению, виргинская юридическая школа являлась лучшей в стране. Последние два года он занимался разработкой нового курса по контрактам, которые составной частью входили в экзамен. Уолли не терпелось опробовать свое детище, и тут как раз подвернулся Макдир. Он вручил Митчу сброшюрованные тетради, пачку толщиной дюйма три и весом не менее папки Кэппса. Экзамен займет четыре дня и будет состоять из трех частей, объяснил ему Уолли. В первый день – четырехчасовой комплексный экзамен по этике. Подготовкой по этому предмету с ним займется Джилл Вон, компаньон, эксперт фирмы по вопросам этики. На второй день – восьмичасовой экзамен, называемый просто «многоштатный», – в его ходе будет проверяться знание Митчем тех законов, которые имеют одинаковую силу на территории всех штатов. Это тоже комплексный экзамен, и вопросы на нем самые каверзные. Потом – самое трудное: третий и четвертый день, по восемь часов каждый, отданы пятнадцати областям материально-правового законодательства. Контракты, Единый коммерческий кодекс, недвижимость, гражданские правонарушения, внутренние дела, завещания, акты дарения, налогообложение, компенсации рабочим, конституционное право, процедура федерального суда, уголовный суд, корпорации, товарищества, страхование и отношения должника и кредитора. Ответы подаются в виде развернутых письменных справок, а вопросы главным образом сформулированы с точки зрения законодательства штата Теннесси. Фирма разработала план повторения всех пятнадцати разделов.

– Вы имеете в виду пятнадцать таких? – Митч кивнул на пачку.

Уолли улыбнулся:

– Да. Мы старались предусмотреть все. Видите ли, никто еще в нашей фирме...

– Знаю, знаю. И я тоже сдам с первого раза.

– В течение последующих шести недель мы будем встречаться с вами по одному разу в неделю, по два часа, так что рассчитывайте свое время. Меня бы устроила среда, в три часа.

– Дня или утра?

– Пополудни.

– Отлично.

– Как вы знаете, контракты и Единый коммерческий кодекс по духу своему очень близки, поэтому я взял на себя смелость вставить его в свои материалы. Мы возьмем и то и другое, но на это, конечно, уйдет больше времени. Обычно на экзамене задают массу вопросов по коммерческим сделкам, у вас могут возникнуть потребности в каких-либо пояснениях, так что прихватите с собой записную книжку. Я включил в материалы и вопросы из предыдущих экзаменов наряду с образцами ответов на них. Это захватывающее дух чтение.

– Мне уже не терпится.

– Просмотрите к следующей неделе первые восемьдесят страниц. На некоторые вопросы вам нужно будет ответить письменно.

– Домашняя работа?

– Именно так. Оценку я скажу вам через неделю. Так будет до конца занятий. Вас будут контролировать очень тщательно.

– Кто входит в комиссию?

– Я, Эйвери Толар, Ройс Макнайт, Рэндалл Данбар и Кендалл Махан. Мы будем встречаться по пятницам и обсуждать ваши успехи.

Уолли вытащил из чемоданчика книжку поменьше, положил ее на стол.

– Это ваш ежедневник. Вы должны записывать сюда количество часов, потраченных на подготовку, и изученные вами темы. Я буду

просматривать его по пятницам, перед заседаниями комиссии. Вопросы?

– Пока нет никаких, – ответил Митч, кладя ежедневник на папку Кэппса.

– Тем лучше. До встречи в следующую среду.

Не прошло и минуты после его ухода, как вошел Рэндалл Данбар с толстенным фолиантом, до смешного похожим на тот, что оставил Хадсон, разве что чуть тоньше. Данбар занимался вопросами недвижимого имущества, именно через его руки проходило оформление документов на дом, в котором теперь жил Макдир. Он сунул Митчу свой «кирпич» с наклейкой «Недвижимость» и объяснил ему, насколько важной частью экзамена является его предмет. Все возвращается на круги своя, к имуществу, сказал он. Материалы эти тщательно подбирались им в течение десяти лет, он также подумывал опубликовать их в качестве авторитетного труда по вопросам имущественного права и земельного финансирования. Для встреч с Митчем ему потребуется по меньшей мере час в неделю, желательно во вторник после обеда. Примерно час еще он рассказывал Митчу, насколько другим был этот экзамен тридцать лет назад, когда он сам сдавал его.

У Кендалла Махана были свои причуды: удобнее всего для него была суббота, семь тридцать утра.

– Договорились, – сказал ему Митч, укладывая новый сборник материалов рядом с предыдущими двумя. Этот был посвящен конституционному праву, коньку Кендалла, хотя, по собственному его признанию, пользовался он им редко. Так же как и двое его коллег, он уведомил Митча, что конституционное право – самый ответственный момент во всем экзамене, во всяком случае, так было пять лет назад, когда сам Кендалл отвечал на вопросы экзаменаторов. В начале своей деятельности в фирме, поделился воспоминаниями Махан, в «Юридическом вестнике» Колумбийского университета была опубликована его статья о Первой поправке к

конституции; копия этой статьи есть в материалах, Митчу будет интересно ее прочесть. Митч обещал ему сесть за статью тотчас же.

Шествие к нему в кабинет продолжалось до самого полудня, почти полфирмы прошли мимо его стола, оставляя на нем блокноты, записные книжки, папки, домашние задания или просто записки с указаниями даты и времени встреч. Не меньше шести человек напомнили ему о том, что ни разу еще сотрудник фирмы не провалил экзамена.

Когда в пять часов вечера секретарша мисс Хафф прощалась с Митчем, стол его был завален такой грудой бумаг, что их хватило бы, чтобы загрузить работой контору со штатом человек в десять. Митч был не в состоянии сказать ни слова, он лишь улыбнулся Нине и вернулся к контрактному праву Хадсона. Примерно через час у него мелькнула мысль о том, что неплохо бы поесть. И только после этого, впервые за двенадцать часов, он вспомнил об Эбби и потянулся к телефону.

– Я тут немного задержусь, дорогая.

– Но у меня почти готов обед!

– Оставь его на плите, – сказал он, пожалуй, излишне поспешно.

Пауза.

– А когда ты вернешься? – Эбби говорила очень медленно, тщательно подбирая слова.

– Через несколько часов.

– Несколько часов. Ты уже провел там половину суток.

– Все верно, но у меня еще очень много работы.

– Это же твой первый день.

– Если я тебе расскажу, то ты не поверишь.

– У тебя все в порядке?

– У меня все отлично. Буду дома позже.

Фыркающий звук двигателя разбудил Датча Хендрикса, и он вскочил. Раскрыв ворота, он ждал, пока последний автомобиль выедет со стоянки. Рядом с ним машина притормозила.

– Добрый вечер, Датч, – приветствовал его Митч.

– И ты только сейчас уезжаешь?

– Да-а, денек был напряженный.

Датч посветил фонариком на циферблат часов: полдвенадцатого.

– Езжай осторожнее!

– Хорошо. До встречи через несколько часов, Датч.

«БМВ» скользнул на Франт-стрит и исчез в ночи. «Несколько часов, – подумал Датч. – Эти новобранцы как сумасшедшие. Восемнадцать, двадцать часов в день, шесть дней в неделю, а то и семь. Всем им не терпится стать первыми юристами мира и заколачивать по миллиону за ночь. А бывает, что и сутками отсюда не вылезают, спят за столами». Все это он уже видел. Это ненадолго. Человеческий организм к такому не приспособлен. Через полгода они теряют запал и начинают работать по пятнадцать часов в день, шесть дней в неделю. Потом – пять с половиной. Потом – по двенадцать часов.

Никому не выдержать ста часов в неделю дольше полугода.

Глава 7

Митч медленно вошел в кабинет и замер у порога. Одна из секретарш рылась во вращающейся этажерке в поисках чего-то такого, что понадобилось Эйвери немедленно. Другая стояла перед ним с блокнотом в руках, записывая инструкции, которые он диктовал ей в те мгновения, когда не кричал в телефонную трубку, а делал вид, что слушает собеседника. На корпусе телефонного аппарата помигивали три красные лампочки. Как только Эйвери начинал говорить в трубку, между секретаршами вспыхивала перебранка.

– Уймитесь! – заорал на них Толар.

Первая с треском задвинула картотечный ящик и перешла к следующей этажерке, где возобновила свои манипуляции. Щелкнув пальцами, Эйвери указал второй на свой настольный календарь и бросил трубку, не попрощавшись.

– Что у меня на сегодня? – спросил он, вытягивая какую-то папку из ячейки в стеллаже.

– В десять утра встреча с представителями Национального налогового управления в городе. В час дня встреча с мистером Локом по делу Спинозы. В три тридцать совещание компаньонов. Поскольку завтра весь день вы проведете в суде, предполагается, что сегодня остаток дня вы будете готовиться к завтрашнему выступлению.

– Великолепно. Отменить все. Закажите билет на Хьюстон на субботу после обеда и обратный билет на понедельник утром.

– Да, сэр.

– Митч! Где папка Кэппса?

– У меня на столе.

– Ты много успел?

– Прочитал практически все.

– Нам нужно будет поднапрячься. Сонни Кэппс только что звонил мне. Он хочет встретиться в Хьюстоне в субботу утром, и ему необходим предварительный проект соглашения о партнерстве.

Внезапно у Митча засосало под ложечкой. Если память ему не изменяла, в соглашении было сто сорок с чем-то страниц.

– Хотя бы предварительный проект, Митч.

– Нет проблем, – сказал Митч, надеясь, что голос его звучит уверенно и ровно. – Проект будет готов. Может, не очень гладкий, но будет.

– Мне он нужен в субботу в первой половине дня, и по возможности без шероховатостей. Я пошлю свою секретаршу, чтобы она объяснила Нине, как найти в компьютере формы соглашений, – это сэкономит время на диктовке и печатании. Я знаю, получается не совсем справедливо, но от Кэппса справедливости ждать не приходится. Он любит требовать. Он сказал мне, что сделка должна быть заключена в течение двадцати дней, иначе она превратится в мыльный пузырь. Теперь все висит на нас.

– Я все сделаю.

– Молодчина. Встретимся завтра в восемь утра, чтобы посмотреть, далеко ли мы продвинулись.

Эйвери нажал на одну из кнопок с мигающей лампочкой и начал с кем-то спорить. Митч вернулся в свой офис, уселся и посмотрел на папку Кэппса, едва видневшуюся из-под груды записных книжек.

В кабинет заглянула Нина:

– Вас хочет видеть Оливер Ламберт.

– Когда?

– Как можно быстрее.

Митч посмотрел на часы. Прошло только три часа рабочего времени, а он чувствовал себя уже уставшим.

– Он не может подождать?

– Не думаю. Обычно мистер Ламберт никого не ждет.

– Понятно.

– Вам лучше пойти сейчас же.

– Чего он хочет?

– Этого его секретарша не сказала.

Митч надел пиджак, поправил узел галстука и поднялся на четвертый этаж, где его уже ждала секретарша босса. Представившись, она поставила Митча в известность о том, что уже тридцать один год работает в фирме. Она была второй секретаршей, нанятой мистером Бендини после того, как он обосновался в Мемфисе. Ее имя было Ида Ренфро, но она привыкла к тому, чтобы ее звали просто миссис Ида.

Проведя Митча в кабинет Ламберта, она прикрыла за ним дверь.

Оливер Ламберт встал из-за стола и снял очки – он пользовался ими лишь для чтения. Тепло улыбнувшись, положил свою трубку на специальную бронзовую подставку.

– Доброе утро, Митч, – сказал он мягко и неторопливо, как будто время для него ничего не значило. – Давай-ка сядем вон там, – повел он рукой в сторону дивана. – Может быть, кофе?

– Нет, спасибо.

Он опустился на мягкие подушки, в то время как Ламберт предпочел жесткий стул с подлокотниками, стоявший немного в стороне и дававший ему возможность смотреть на собеседника сверху вниз. Митч расстегнул пиджак, постарался расслабиться. Скрестив ноги, принялся рассматривать носки своих новых ботинок – всего двести долларов, час работы для сотрудника фирмы, где деньги, казалось, не зарабатывали, а печатали. Он хотел расслабиться, а память услужливо напоминала о панике в голосе Эйвери и отчаянии в его глазах, когда тот слушал своего собеседника в Хьюстоне. Всего лишь второй рабочий день, а голова раскалывается, в желудке – ноющая боль.

Оливер Ламберт послал ему одну из своих лучших улыбок: искреннюю и по-отечески добрую. Настало время выдать порцию новой информации.

Выглядел Ламберт очень внушительно: белоснежная рубашка тончайшего полотна, концы воротника схвачены золотой булавкой;

некрупный узел темного галстука из натурального шелка придавал всему его облику вид исключительно элегантный и мудрый. Как и всегда, лицо босса было более загорелым, чем у всех привыкших к испепеляющему солнцу жителей Мемфиса. Зубы – безукоризненны, как жемчуг. Словом, глава фирмы являл собой образец преуспевающего пожилого джентльмена.

– Всего несколько вопросов, Митч, я понимаю, что ты очень занят.

– Да, сэр, очень.

– Состояние паники – это норма жизни в любой мало-мальски приличной юридической фирме, а клиенты типа Сонни Кэппса могут довести до язвы желудка. Но клиенты – это все, чем мы располагаем, поэтому мы готовы каждый день умирать за них.

Митч слушал, улыбался и хмурился одновременно.

– Всего два момента, Митч. Во-первых, моя жена и я, мы хотим в субботу поужинать с тобой и Эбби. Мы часто делаем это вне дома, и нам особенно приятно, когда такие трапезы с нами делят друзья. Иногда я и сам люблю постоять у плиты, умею отдать должное хорошей еде и напиткам. Как правило, в одном из наших любимых ресторанов мы заказываем большой стол, приглашаем друзей и проводим вечер за ужином из, скажем, девяти блюд или за дегустацией коллекционных вин. Вы в субботу свободны?

– Мы будем рады принять ваше приглашение.

– Хорошо. Мое любимое место – «Жюстен», это старый французский ресторанчик с изысканной кухней и впечатляющей картой вин. Так в субботу, в семь?

– Мы будем там.

– А теперь второе. Это требует обсуждения. Уверен, ты знаешь об этом не хуже меня, но повторить не мешает, поскольку для фирмы это чрезвычайно важно. В Гарварде вас учили тому, что между юристом и его клиентом существуют совершенно особые, доверительные отношения. Это твоя привилегия как юриста, и никто не может принудить тебя выдать информацию, которую тебе доверил клиент. Информация эта в высшей степени

конфиденциальна. Если юрист начинает обсуждать дела своего клиента, то это является вопиющим нарушением профессиональной этики. Все, что я только что сказал, относится к каждому юристу, без всяких исключений. У нас в фирме к этим вопросам подходят еще более строго. Мы не обсуждаем дела наших клиентов ни с кем: ни с другими юристами, ни с супругами, ни даже между собой. Обычно мы не очень разговорчивы дома, и наши жены приучены не задавать вопросов. Чем меньше говоришь, тем лучше себя чувствуешь. Основатель фирмы мистер Бендини ни во что не верил так свято, как в скрытность, и этому же он учил нас. Ты никогда не услышишь, чтобы член нашей фирмы за ее стенами произнес хотя бы имя своего клиента. Вот как мы подходим к вопросам этики.

«Куда он клонит? – спрашивал себя Митч. – Такую речь может закатить любой студент-второкурсник».

– Я хорошо понимаю все это, мистер Ламберт, и вам нет нужды беспокоиться.

– «Болтливые языки проигрывают дела» – эта фраза была девизом мистера Бендини, и он прожил с ним всю жизнь. Мы просто ни с кем не обсуждаем дела своих клиентов, в том числе и с женами. Мы ведем себя очень, очень сдержанно. Ты будешь знаком и с другими юристами в городе, и рано или поздно тебя начнут спрашивать о фирме или о твоём клиенте. В таких случаях мы просто молчим. Это понятно?

– Конечно, мистер Ламберт.

– Хорошо. Мы очень гордимся тобой, Митч. Ты станешь отличным юристом, богатым юристом, Митч. До субботы!

Митч вышел из кабинета, но не успел сделать и нескольких шагов, как миссис Ида, подойдя к нему, сообщила, что его ждет мистер Толар, срочно. Поблагодарив секретаршу Ламберта, Митч устремился вниз по лестнице, затем по коридору, мимо собственной двери – прямо в угловой офис. Теперь уже там суетились три женщины, перешептываясь между собой, в то время как их босс вновь громко кричал в телефонную трубку. Митч отыскал взглядом

свободный стул у двери. Перед ним разворачивалось почти цирковое действо. Секретарши листали папки и блокноты, бормоча что-то на каком-то непонятном Митчу языке. Время от времени Эйвери щелкал пальцами, указывая в одно или другое место, после чего женщины начинали метаться по кабинету, как испуганные кролики.

Через некоторое время Эйвери опустил трубку на рычаги, опять-таки не попрощавшись. Оглянулся на Митча.

– Опять Сонни Кэппс. Гонконгская семейка требует с него семьдесят пять миллионов, и он согласился заплатить их. В товарищество войдет сорок один компаньон вместо двадцати пяти. Если мы не уложимся в двадцать дней, сделка лопнет.

К Митчу подошли две секретарши, у каждой – по толстой папке.

– Справишься? – В голосе Эйвери слышалась чуть ли не насмешка.

Секретарши смотрели на него во все глаза. Митч подхватил обе папки и направился к двери.

– Безусловно, справлюсь. Это все?

– Тебе этого хватит. С этого момента и до субботы забрось все остальное, понятно?

– Да, босс.

Придя к себе, Митч первым делом собрал со стола экзаменационные материалы, все пятнадцать томов, и сложил их в углу. На их место аккуратно легли папки Кэппса. Отдышавшись, он начал вгрызаться в бумаги, но тут же его отвлек стук в дверь.

– Кто?

Дверь приоткрылась, он увидел Нину.

– Страшно не хотела вас беспокоить, но привезли новую мебель.

Митч начал массировать кончиками пальцев виски, бормоча проклятия.

– Может, пару часов вам лучше поработать в библиотеке?

– Может быть.

Он собрал документы в папки и вместе с Ниной перетащил экзаменационные материалы в коридор, где два высоких негра стояли рядом с громоздкими шкафами для картотеки и свернутым в рулон ковром.

Нина проводила его до библиотеки.

– В два часа я должен был встретиться с Ламаром Куином для подготовки к экзамену. Позвоните ему и отмените встречу. Скажите, что я все объясню позже.

– На это время у вас запланирована встреча с Джиллом Воном.

– Отменить.

– Но он компаньон.

– Отменить. Встречусь позже.

– Это недальновидно.

– Делайте то, что вам говорят.

– Вы – босс.

– Благодарю вас.

Обойщица оказалась мускулистой, невысокого роста женщиной, уже немолодой, но привыкшей к нелегкой работе и в совершенстве владеющей необходимыми навыками. Разговорившись с Эбби, она рассказала ей, что вот уже почти сорок лет она оклеивает дорогими обоями лучшие дома в Мемфисе. Хотя она тараторила без умолку, дело двигалось вперед споро. Резец ее был точным, как скальпель хирурга, а наклеивала полосы на стены она с непередаваемым артистизмом. Пока клей подсыхал, женщина из карманчика на кожаном поясе вытащила рулетку и с ней в руках скрупулезно исследовала оставшийся голым угол столовой. Работая, она шептала какие-то цифры, расшифровать которые Эбби отчаялась. Замерив длину и высоту в четырех разных точках, обойщица доверила эти данные своей памяти. Затем она поднялась на стремянку и командовала Эбби подать ей рулон бумаги. Примерилась – рисунок совпадал идеально. Прижав полосу к стене, она в сотый раз начала нахваливать качество обоев, сетовать на их

дороговизну, клясться, что они не потеряют своего нарядного вида и через много-много лет. Цвет обоев ей тоже нравился, он хорошо сочетался со шторами и коврами.

Эбби уже устала благодарить ее за комплименты. Она просто кивала и посматривала на стрелки часов: пора было готовить обед.

Когда стена была доделана, Эбби объявила конец работы. Продолжить можно будет завтра, часов в девять утра, сказала она женщине. Та согласилась и начала прибираться. Ей платили двенадцать долларов в час, наличными, и за деньги она была готова почти на все. Эбби восхитилась видом столовой. Завтра они ее завершат, и с обоями будет покончено, две ваннные комнаты и кладовая не в счет. Покрасочные работы были запланированы на следующую неделю. Запахи клея, лака, покрывавшего камин, прекрасной новой мебели сливались в удивительно свежий аромат. Аромат нового дома.

Попрощавшись с обойщицей, Эбби отправилась в спальню, где сняла с себя всю одежду и улеглась поперек постели. Подтянув к себе телефон, набрала номер мужа, из короткого разговора с Ниной выяснила, что Митч сейчас на каком-то совещании и будет позднее. Секретарша сказала, что он позвонит домой. Лежа на спине, Эбби вытянула длинные, загоревшие на солнце и уставшие за день ноги, повела плечами. Лопasti большого вентилятора на потолке посылали ее телу волны нежного, теплого воздуха. В конце концов, ведь Митч придет сегодня домой. Ну, поработает какое-то время сто часов в неделю, потом снизит планку до восьмидесяти. Ничего, она умеет ждать.

Незаметно задремав, она проснулась через час и тут же испуганно вскочила с постели: было почти шесть. Телятина! Пикантная телятина! Эбби быстро влезла в шорты цвета хаки, натянула белую футболку и устремилась в кухню, почти уже отделанную, за исключением занавесок на окнах и кое-какой мелкой покраски. Но это уже на следующей неделе. В итальянской поваренной книге она нашла рецепт и начала раскладывать на столе все необходимое.

Настоящее мясо, пока учились, они ели не часто; если она готовила что-то дома, то это, как правило, был цыпленок «так» или цыпленок «этак». В основном они питались бутербродами и сосисками.

Однако теперь, когда на них так неожиданно обрушился достаток, пришло время учиться готовить по-настоящему. В первую неделю жизни на новом месте она каждый вечер выдумывала что-нибудь новенькое, и они ужинали, когда бы Митч ни возвращался домой. Эбби составляла в уме меню, штудировала поваренные книги, экспериментировала с соусами. Неизвестно по какой причине, но Митч любил итальянскую кухню, и, после того как спагетти и свинина по-монастырски были апробированы и одобрены, настало время для пикантной телятины.

Эбби отбила куски телятины, обваляла их в муке с солью и перцем. Поставила на огонь кастрюльку с водой для соуса, налила в стакан сухого вина и включила радио. Дважды после обеда она звонила Митчу, а он так и не выбрал времени хотя бы на один звонок. Эбби собралась было позвонить еще раз, но тут же передумала: теперь была его очередь. Ужин она приготовит, а съедят они его, когда Митч вернется.

Кусочки телятины тушились в масле три минуты, пока не стали мягкими; после этого Эбби достала их из кастрюльки, добавила в нее вина и лимонного сока, дождалась, пока все это закипит и соус начнет густеть. Вновь опустила в кастрюльку мясо, положила грибы, артишоки, масло. Закрыв кастрюльку, уменьшила огонь.

Отдельно поджарила бекон, нарезала помидоры, довела до кондиции соус и налила еще стакан вина. К семи ужин был готов: бекон и салат из помидоров, телятина, хлеб с чесноком в духовке. Митч так и не позвонил. Прихватив бокал с вином, Эбби вышла во внутренний дворик и осмотрелась. Навстречу ей из-под кустов выскочил Хорси. Вместе обошли они весь двор, разглядывая травяной газон и делая остановки у двух старых, огромных дубов. В толстых ветвях самого большого из них виднелись обломки скворечника. На стволе – чьи-то вырезанные инициалы, на другом –

обрывок веревки. Эбби нашла старый резиновый мячик, швырнула его под кусты и развлекалась тем, что смотрела на рыщущего в поисках мяча пса. Она напряженно вслушивалась в вечернюю тишину: не раздастся ли телефонный звонок? Телефон молчал.

Хорси вдруг замер, напрягся и тьякнул, повернувшись в сторону участка соседа. Аккуратно подстриженная живая изгородь из самшита раздалась в стороны, приоткрыв мистера Райса, соседа. Лицо его покрылось капельками пота, рубашка была насквозь мокрой. Он снял длинные, зеленого цвета, перчатки и только тут заметил стоящую под дубом Эбби. Улыбнулся. Опустил взгляд вниз, на ее загорелые ноги, и улыбнулся еще шире. Утерев потной рукой лоб, подошел к разделяющей два участка ограде.

– Как поживаете? – Дыхание его было прерывистым, редкие седые волосы намokли от пота.

– Отлично, мистер Райс. А как вы?

– Жара. Должно быть, градусов сто^[2].

Эбби неторопливо подошла к ограде поболтать. Его взгляды она заметила еще неделю назад, но против ничего не имела: ему было по меньшей мере семьдесят, так что скорее всего он был безопасен. Пусть себе смотрит. А потом, он же все-таки был живым человеком, дышавшим, потевшим, но способным поддержать разговор. После того как Митч выехал из дома еще до рассвета, единственным человеком, с которым она могла перекинуться парой слов, была обойщица, но ведь и она давно уже ушла.

– Газон у вас просто замечательный, – сказала она соседу.

Он еще раз вытер пот, сплюнул.

– Вы называете это «замечательный»? Да это можно отсылать в журнал. Я не видел еще газона лучше, он должен был стать газоном месяца, но меня обошли. Где ваш муж?

– На работе. Он засиживается допоздна.

– Уже почти восемь. По-моему, он умчался еще до восхода. В полседьмого утра я вышел прогуляться, так его уже не было. Что это с ним?

– Он любит свою работу.

– Имей я такую жену-красавицу, я сидел бы дома. Ни за что бы не вышел.

Эбби улыбнулась комплименту.

– Как поживает миссис Райс?

Он нахмурился, швырнул пучок сорняков за забор.

– Боюсь, не очень. Не очень-то хорошо.

Он отвел взгляд в сторону, поджал губы. Его жена медленно умирала от рака. Детей у них не было. Врачи давали ей год как максимум. Удалили почти весь желудок, но опухоль перекинулась на легкие. Весила она сейчас едва ли девяносто фунтов и почти не поднималась с постели. Когда Эбби вместе с Митчем впервые зашли к нему на участок, в глазах его стояли слезы, едва он заговорил о жене и о том, каким одиноким он вскоре станет, ведь пятьдесят один год они прожили вместе.

– И вот, видите ли, моя работа не заслужила того, чтобы называться газоном месяца! Просто я живу не в той части города. Призы достаются богачам, которые нанимают мальчиков, делающих всю черную работу, в то время как сами они сидят у бассейна с коктейлем в руках. Но ведь и вправду это красиво, да?

– Просто глазам не верю. Сколько раз в неделю вы его стрижете?

– Три или четыре, это зависит от дождей. Хотите, подстригу и ваш газон?

– Спасибо, я подожду, пока этим займется муж.

– Похоже, у него туговато со временем. Буду посматривать и, если понадобится стрижка, загляну к вам.

Обернувшись, Эбби посмотрела на кухонное окно.

– Вы не слышите телефон? – спросила она уже на ходу.

Сосед показал ей на свой слуховой аппарат.

Попрощавшись, она побежала к дому. Телефон смолк, как только она дотронулась до трубки.

Было уже половина девятого, почти совсем стемнело. Она набрала номер, но на том конце никто не подходил. Наверное, он уже

выехал домой.

За час до полуночи зазвонил телефон. Если не считать этого звонка, то тишину кабинета на втором этаже нарушало только легкое похрапывание. Покоившиеся на новом столе скрещенные ноги затекли, но сидеть, развалившись в мягком кожаном кресле, было удобно. Митч склонился во сне на сторону, он устал и ничего не слышал, не чувствовал. Листы из папки Кэппса были раскиданы по всему столу, а один наиболее угрожающе выглядевший документ Митч крепко прижимал к животу. Ботинки стояли на полу, рядом со стопкой бумаг. Между ботинками валялся опустошенный пакетик из-под жареного картофеля.

После десятка звонков Митч пошевелился, потянулся за трубкой. Звонила жена.

– Почему ты не позвонил мне? – спросила она прохладно и все же с тревогой.

– Прости, пожалуйста, я заснул. Сколько сейчас времени? – Протерев глаза, он попытался рассмотреть стрелки часов.

– Одиннадцать вечера. Жаль, что ты не позвонил.

– Я звонил, но ты не подходила.

– Во сколько?

– Между восемь и девятью. Где ты была?

Она не ответила. Подождала. Затем спросила сама:

– Ты собираешься домой?

– Нет. Я буду работать всю ночь.

– Всю ночь? Но ты не можешь сидеть там до утра, Митч!

– Почему же? Могу, здесь это обычное дело. В этом нет ничего нового, я этого ожидал.

– А я ожидаю тебя, Митч. Уж позвонить-то ты мог, во всяком случае. Ужин ждет тебя на плите.

– Прости. У меня выходят все сроки, я потерял счет времени. Прости, Эбби.

В трубке повисло молчание – она соображала, простить или не прощать.

– Это может превратиться в привычку, Митч.

– Может.

– Понимаю. Когда, по твоим расчетам, ты сможешь быть дома?

– Тебе страшно?

– Нет, мне не страшно. Я собираюсь ложиться спать.

– Я заеду к семи утра, мне нужно будет принять душ.

– Вот и хорошо. Если я буду спать, не буди меня.

Она повесила трубку. Митч долго смотрел на телефон, прежде чем положить на рычаг свою. На пятом этаже человек в наушниках хихикнул.

– «Не буди меня». Ну и дела! – усмехнулся он, нажимая кнопку магнитофона, подключенного к компьютеру. Затем нажал одну за другой три кнопки и негромко сказал в микрофон: – Эй, Датч, просыпайся там!

Датч, видимо, проснулся, из интеркома донеслось:

– Да, в чем дело?

– Это Маркус, сверху. По-моему, наш мальчик собирается остаться здесь на ночь.

– Что у него за проблемы?

– В настоящее время – это его жена. Он забыл позвонить ей, а она-то приготовила ему вкусенький ужин.

– О, ужас какой! Все это мы уже слышали, нет?

– Да, все новички в первую неделю такие. В общем, он сказал ей, что до утра не придет, можешь продолжать спать.

Нажав на пульте еще несколько кнопок, Маркус вновь принялся листать отложенный в сторону журнал.

Когда между стволами дубов показался край солнечного диска, Эбби сидела и ждала мужа, делая время от времени глоток кофе, поглядывая на собаку и внимательно вслушиваясь в негромкие звуки просыпающейся вокруг жизни. Спала она плохо, усталости не

снял даже горячий душ. На ней был белый махровый халат, один из его халатов, и больше ничего; влажные волосы зачесаны назад.

Хлопнула дверца автомобиля, пес в доме встрепенулся. Она услышала, как Митч ключом возится в замке кухонной двери, еще мгновение, и она распахнулась, открыв проход во внутренний дворик. Митч положил пиджак на скамейку рядом с дверью, подошел к жене.

– Доброе утро! – сказал он, садясь за плетеный стол напротив нее.

Эбби натянуто улыбнулась:

– И тебе доброго утра.

– Рановато ты поднялась. – Голос его звучал подчеркнуто заботливо, но это не сработало.

Глоток кофе и та же улыбка.

Митч вздохнул и посмотрел через двор.

– Все еще дуешься из-за этой ночи?

– Вовсе нет. Я не обиделась.

– Я же сказал тебе, что сожалею об этом, и это правда. Я пробовал тебе звонить.

– Мог бы попробовать еще раз.

– Пожалуйста, не разводишься со мной, Эбби. Клянусь, больше этого никогда не повторится. Только не покидай меня.

Теперь она улыбалась уже по-настоящему.

– Вид у тебя ужасный, – сказала она.

– Под халатом что-нибудь есть?

– Ничего.

– Дай-ка посмотрю.

– Почему бы тебе не вздремнуть? На тебе лица нет.

– Спасибо. Но в девять у меня встреча с Эйвери. И в десять – тоже с ним.

– Они что, хотят убить тебя в первую неделю?

– Да, но у них ничего не выйдет. Я – мужчина. Пойдем в душ!

– Я только что там была.

– Голенькая?

– Да.

– Расскажи мне об этом. Расскажи как можно подробнее.

– Ты бы не чувствовал себя обделенным, если бы возвращался домой вовремя.

– Думаю, что это будет еще не раз, немало ночей я еще просижу там. Но ведь когда я сутками учился, ты же не жаловалась?

– Тогда было совсем другое дело. Я могла с этим смириться, потому что знала, что скоро конец. Но теперь-то ты уже работаешь, и мы здесь надолго. Так будет всегда? Скажи, ты теперь все время будешь работать по тысяче часов в неделю?

– Эбби, идет моя первая неделя.

– Вот это меня и волнует. Боюсь, дальше будет хуже.

– Будет, но это неизбежно, Эбби. Это жестокий бизнес, где слабых съедают, а сильные становятся богатыми. Это марафон: кто его выдерживает, получает золото.

– И умирает на финише.

– Я в это не верю. Мы приехали всего неделю назад, а ты уже беспокоишься о моем здоровье.

Она попивала кофе и поглаживала рукой собаку. Выглядела она сейчас очень красивой – с усталыми глазами, без всякой косметики, с влажными волосами. Митч поднялся, подошел сзади и поцеловал ее в щеку.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

Она сжала его руку, лежавшую на ее плече.

– Пойди прими душ. Я приготовлю завтрак.

Накрытый стол был великолепен. Эбби вытащила из шкафа бабушкин фарфор – впервые за время после их приезда. Зажгла свечи в серебряных подсвечниках. В хрустальных стаканах – грейпфрутовый сок. На тарелках свернутые салфетки с тем же рисунком, что и на скатерти.

Выйдя из душа, Митч завернулся в новый шотландский плед и вошел в столовую. От удивления присвистнул.

– По какому поводу?

– Особенный завтрак для особенного мужа.

Он сел, восхищаясь сервировкой. В центре стола стояло большое серебряное блюдо, прикрытое крышкой.

– Что ты приготовила? – спросил Митч, облизывая губы.

Она указала на блюдо, и он снял крышку, уставившись взглядом внутрь.

– Что это?

– Пикантная телятина.

– Какая телятина?

– Пикантная.

Митч посмотрел на часы.

– А я-то думал, что у нас завтрак.

– Я приготовила это вчера к ужину, но ты попробуй.

– Пикантную телятину на завтрак?

Она ответила мужу улыбкой и утвердительно кивнула. Митч еще раз бросил взгляд на блюдо и быстро проанализировал ситуацию.

– Пахнет хорошо, – наконец сказал он.

Глава 8

В субботу Митч отсыпался и прибыл на фирму только к семи утра. Бриться не стал, надел джинсы, старую рубашку и мягкие кожаные мокасины на босу ногу. Так он одевался в университете.

Соглашение для Кэппса печаталось и перепечатывалось в пятницу поздно вечером. Он все вносил в него поправки, и окончательный вариант был готов с помощью Нины в восемь. Митч понял, что других забот, кроме работы, у нее не было, или почти не было, и поэтому не колеблясь попросил ее задержаться. Она ответила, что не против переработок, и он тут же предложил ей прийти в офис в субботу утром.

Нина появилась в девять, затянутая в джинсы, которые подошли бы и слону. Митч вручил ей соглашение, все двести шесть страниц, с последними уточнениями и попросил перепечатать его в четвертый раз. В десять он должен был встретиться с Эйвери.

По субботам фирма выглядела несколько иначе. Все сотрудники были на местах, так же, впрочем, как и почти все компаньоны; пришли также несколько секретарш. Поскольку клиентов не было, в одежде допускались поблажки. Почти каждый был в джинсах. Никаких галстуков. Кое на ком были бейсболки и так туго накрахмаленные рубашки, что, казалось, они хрустят при каждом движении.

Но в атмосфере чувствовалось напряжение. Во всяком случае, Митчел И. Макдир, новый сотрудник, ощущал его на себе совершенно явно. Он отменил свои встречи с консультировавшими его по курсу подготовки к экзамену в четверг, в пятницу и в субботу. Все пятнадцать томов материалов пылились на полке – у него появилась реальная возможность провалиться на экзамене.

К десяти часам окончательный вариант был готов, и Нина торжественно положила его перед Митчем, отправившись затем к кофеварке. В последнем варианте насчитывалось уже двести

девятнадцать страниц. Митч прочел их все четырежды, а пункты, относящиеся к налогообложению, вообще выучил наизусть. Он встал и, взяв папку с соглашениями, отправился в кабинет Толара. Тот разговаривал по телефону, а секретарша набивала бумагами огромный портфель.

– Сколько страниц? – спросил Эйвери, кладя трубку.

– Больше двухсот.

– Внушительно. Сыро получилось?

– Не очень. Это четвертый вариант в течение суток. Он почти идеален.

– Посмотрим. Я прочту его в самолете, а после меня его прочтет Кэппс через увеличительное стекло. Если он обнаружит хоть одну ошибку, то устроит скандал и будет угрожать, что не заплатит. Сколько у тебя ушло на эту работу времени?

– Пятьдесят четыре с половиной часа, начиная со среды.

– Прошу извинить за то, что все время подгонял тебя. Первая неделя вышла у тебя тяжелой. Но клиенты иногда и не так гонят, и это далеко не последний раз, когда нам пришлось ломать себе шею по желанию человека, который платит двести долларов в час. Таков наш бизнес.

– Я не жалею. Немного отстал с подготовкой к экзамену, но у меня еще есть время.

– Этот прохвост Хадсон не действует тебе на нервы?

– Нет.

– Дай мне знать, если будет. Он всего пять лет в фирме, ему нравится изображать профессора. Считает себя теоретиком. Я от него не в восторге.

– У меня с ним никаких проблем.

Эйвери положил соглашение в кейс.

– Где деловая записка и другие документы?

– Я подготовил их в самом общем виде. У нас же еще двадцать дней.

– Да. Но не стоит откладывать. Кэппс начинает требовать своего задолго до конца им же установленных сроков. Ты завтра работаешь?

– Я не собирался. Жена настаивает на том, чтобы сходить в церковь.

Эйвери покачал головой:

– Умеют жены вступать в наши дела, верно? – Ответа он не ждал.

Митч промолчал.

– Давай-ка закончим с Кэппсом к следующей субботе.

– Отлично. Без труда.

– Мы говорили о Кокер-Хэнксе? – спросил Эйвери, копаясь в папке.

– Нет.

– Вот оно. Кокер-Хэнкс – крупный подрядчик из Канзас-Сити. По всей стране у него контрактов на сто миллионов. Группа «Хэллоуэй бразерс» из Денвера предлагает перекупить его. Они намереваются добавить ценных бумаг, кое-чего из имущества, контрактов и определенную сумму в наличных деньгах. Довольно сложная сделка. Познакомься с материалами, а во вторник утром, когда я вернусь, поговорим.

– Сколько у нас времени?

– Тридцать дней.

На этот раз папка была не такой толстой, как по делу Кэппса, но тем не менее она впечатляла.

– Тридцать дней, – негромко повторил Митч.

– Это сделка на восемьдесят миллионов, мы загребем гонорар в двести тысяч. Неплохо, а? Каждый раз, когда ты хотя бы посмотришь на эту папку, пиши себе в счет один час. Занимайся ею каждую свободную минуту. Если ты вспомнишь о Кокер-Хэнксе за рулем автомобиля, когда едешь на работу, ставь в счет еще один час. Это бездонная бочка.

Эйвери принялся смаковать мысль о клиенте, который заплатит столько, сколько с него потребуют. Митч попрощался с ним и

вернулся к себе в кабинет.

Примерно в то время, как они, покончив с коктейлями, изучали карту вин и выслушивали Оливера Ламберта, сравнивающего и анализирующего различия, оттенки и особенности французских вин, когда Митч и Эбби начали понимать, что лучше бы они остались дома, наслаждаясь пиццей перед телевизором, в это самое время двое мужчин открыли ключом дверцу блестящего «БМВ» на стоянке рядом с рестораном. Мужчины были в галстуках и пиджаках, вид их никаких подозрений не вызывал. С невозмутимым видом усевшись в автомобиль, они тронули его с места и, проехав через центр города, остановились перед воротами гаража нового дома мистера и миссис Митчел И. Макдир. «БМВ» был загнан в гараж, водитель достал из кармана другой ключ, открыл дверь, ведущую в дом, и вместе со своим спутником вошел. Хорси был сразу заперт в туалете.

В темноте на стол был положен маленький кожаный чемоданчик, из него мужчины извлекли резиновые перчатки, надели их; каждый взял в руки по крошечному фонарику.

– Сначала телефоны, – сказал один из них.

Работали они быстро. Телефонная трубка была снята, микрофон выкручен и изучен. Затем в чашечку трубки был посажен на клей миниатюрный, размером не более изюминки, передатчик. Когда клей подсох, вновь был установлен микрофон, трубка собрана и возвращена на место, а телефон повешен на кухонную стену, откуда его три минуты назад сняли. Звуки, или, точнее, сигналы, будут передаваться в небольшой приемник, установленный на чердаке, а более мощный передатчик рядом с приемником отправит сигналы через весь город антенне, установленной на крыше Бендини-билдинг. Используя линию переменного тока в качестве источника питания, «жучки», установленные в телефонных аппаратах дома, будут работать безотказно.

– Займемся комнатами.

Чемоданчик перенесли на диван. Чуть выше его спинки в стенную панель был забит небольшой гвоздь и тут же извлечен. В образовавшееся отверстие вставлен тонкий черный цилиндр длиной примерно дюйм. Капелька эпоксидной смолы прочно закрепила его. Микрофон был абсолютно невидим. Провод, не толще человеческого волоса, пропущен по шву обоев. Он свяжет микрофон с приемником на чердаке.

Такие же приспособления были спрятаны в стенах каждой спальни. Найдя в прихожей лестницу-стремянку, пришедшие забрались на чердак. Один из них достал приемник и передатчик из чемоданчика, а другой в это время тщательно протягивал тончайшие проводки. Скрутив и перетянув изоляцией, он протянул их в угол, где его напарник поставил передатчик в старом ящичке из-под картотеки. Проводок переменного тока был отделен и затем прикреплен к передатчику. Между черепицами крыши на дюйм поднялась антенна.

На чердаке было душно, дыхание мужчин стало прерывистым. Они прикрыли передатчик пластмассовым корпусом старенького радиоприемника, закрепив его изоляционной лентой и забросав каким-то тряпьем. Угол был темный, и вряд ли кто обнаружит следы их пребывания здесь на протяжении месяцев, если не лет. А если кто-то и сунется сюда, то увидит лишь старую рухлядь, которую можно выбросить без всякого сожаления. Мужчины полюбовались собственной работой и спустились вниз.

Тщательно уничтожив следы своей работы, они через десять минут закончили выполнение задания.

Хорси был выпущен; мужчины прошли в гараж. Сев в «БМВ», они быстро скрылись в ночной темноте.

В то время как Оливеру Ламберту и его гостям подавали жареные морские гребешки, на стоянке у ресторана тихо остановился «БМВ». Сидевший за рулем нашел у себя в кармане ключи от темно-красного «ягуара», собственности мистера Кендалла Махана, адвоката. Оба техника перебрались из «БМВ» в «ягуар». Махан жил

гораздо ближе, чем Макдир, и, судя по плану дома, работа будет сделана быстро.

На пятом этаже фирмы Бендини Маркус смотрел на панель с помигивающими лампочками, ожидая сигнала из дома 1231 по Ист-Медоубрук. Ужин в ресторане закончился полчаса назад, можно было начинать прослушивание. Слабо вспыхнула маленькая желтая лампочка, и Маркус надел наушники. Нажал кнопку записи, вслушиваясь. В ряду под надписью «Макдир 6» замигал зеленый огонек. Это была спальня. Цвет его стал более интенсивным, голоса, сначала едва слышимые, звучали уже отчетливо. Он увеличил громкость.

– Джил Махан – сука, – раздался женский голос, принадлежавший миссис Макдир. – И чем больше она пьет, тем большей сукой становится.

– Мне кажется, она просто была в плохом настроении, – отозвался мужчина, видимо, мистер Макдир.

– Муж у нее нормальный, а она – просто хамка, – сказала миссис Макдир.

– Ты пьяна? – спросил мистер Макдир.

– Почти. Я готова к неистовой любви.

Маркус добавил громкости и склонился над панелью.

– Снимай одежду, – потребовала миссис Макдир.

– Мы уже целую вечность этим не занимались, – заметил мистер Макдир.

Маркус поднялся и, склонившись, навис над тумблерами и лампочками.

– И чья в этом вина? – спросила она.

– Я уже не помню. Ты прекрасна.

– В постель, – скомандовала она.

Маркус повернул рукоятку громкости до отказа. Он улыбался; дыхание его стало тяжелым. Ему нравились новые сотрудники, недавние выпускники, полные неукротимой энергии. Раздававшиеся

в наушниках звуки наполняли радостью его сердце. Он закрыл глаза и дал волю воображению.

Глава 9

Прошло две недели. Кэппс заключил удачную сделку главным образом благодаря череде восемнадцатичасовых рабочих дней самого молодого сотрудника фирмы, сотрудника, еще даже не сдавшего экзамен на звание адвоката и оказавшегося слишком занятым практической деятельностью, чтобы беспокоиться об этом. В июле он закрывал своими счетами по пятьдесят девять часов в неделю, что было рекордом фирмы для человека, пока не сдавшего экзамен. На ежемесячном совещании Эйвери с гордостью проинформировал компаньонов, что для новичка Макдир справляется «просто замечательно». Дело Кэппса было завершено на три дня раньше планируемого, и это благодаря Макдиру. Им подготовлено около четырехсот страниц документов: от предварительных до окончательных, отработаны они все безукоризненно. С Кокер-Хэнксом все будет завершено в течение месяца, и заслуга в этом опять-таки принадлежит Макдиру, а фирма получит почти четвертьмиллионный гонорар. Макдир, заметил Эйвери, был просто машиной.

Оливер Ламберт высказал озабоченность по поводу подготовки к экзамену: до него оставалось менее трех недель, и каждому было ясно, что Макдир не успевает. В июле он отменил половину своих встреч с консультантами, отметив в дневнике только двадцать учебных часов. Эйвери успокоил присутствующих, заявив, что парень все сделает.

За пятнадцать дней до экзамена Митч все же взбунтовался. Экзамен почти наверняка будет провален, объяснял он Эйвери за обедом в «Манхэттен-клубе». Ему нужно время для занятий. Много времени. Он может позаниматься оставшиеся две недели и как-нибудь сдать, но для этого он должен быть предоставлен самому себе. Никаких цейтнотов. Никаких чрезвычайных обстоятельств, никаких бессонных ночей, он умоляет. Эйвери внимательно

выслушал его и извинился за вынужденную гонку. Он обещал Митчу забыть о нем на ближайшие две недели. Митч поблагодарил.

В первый понедельник августа в главном зале библиотеки на первом этаже собрались все члены фирмы. Этот самый большой из библиотечных залов был предназначен как раз для подобного рода собраний. Часть присутствовавших сидели за уникальной работы столом вишневого дерева. Остальные расположились вдоль стеллажей, тесно уставленных обтянутыми кожей юридическими справочниками, которыми десятилетиями никто не пользовался. Здесь были все работавшие в фирме, пришел даже Натан Лок. Он немного опоздал и теперь в одиночестве стоял у двери. Он не сказал никому ни слова, и никто, кроме Митча, бросавшего украдкой на мистера Черные Глаза взгляды, не смотрел в его сторону.

Атмосфера в зале была печальной. Ни одной улыбки. В сопровождении Оливера Ламберта вошли Лаура Ходж и Бет Козински. Их усадили напротив стены, где висели два забранных траурной вуалью портрета. Женщины держались за руки и старались улыбаться. Мистер Ламберт стоял спиной к стене и обводил взглядом присутствующих.

Он заговорил своим мягким, глубоким баритоном, полным симпатии и сочувствия. Заговорил негромко, почти шепотом, но мощь его голоса доносила каждое сказанное слово до стоящих в самых дальних углах зала людей. Ламберт смотрел на двух вдов и говорил о том, какую глубокую печаль испытывает вся фирма, какой заботой будут окружены родственники погибших все то время, что будет существовать фирма. Говорил о Марти и Джо, об их первых годах работы, о том, как необходимы были их общему делу эти два молодых человека, чья смерть нанесла фирме тяжелый урон, говорил об их преданности и любви к своим семьям.

Ламберт был красноречив. Он говорил, ни на мгновение не задумываясь о содержании следующего предложения. Вдовы

тихонько плакали и вытирали слезы. Начинали сопеть и другие: Ламар Куин и Дуг Терни.

Выговорившись, Ламберт подошел к портрету Мартина Козински и снял покрывавшую его тонкую вуаль. В этот напряженный момент в глазах у многих стояли слезы. В Чикагской юридической школе будет учреждена стипендия его имени. Фирма берет на себя обязательства по обучению его детей. Семья Козински будет пользоваться постоянной поддержкой. Бет прикусила нижнюю губу, однако рыдания ее стали еще громче. Несгибаемые, закаленные профессионалы-юристы великой фирмы Бендини нервно сглатывали и избегали поднимать друг на друга глаза. Только Натан Лок хранил невозмутимое спокойствие. Уставившись в стену своими пронизательными глазами-лазерами, он не обращал на происходящее особого внимания.

Затем наступил черед портрета Джо Ходжа. Подобная биография, такая же стипендия, тот же фонд в пользу детей и семьи. Митч слышал, что за четыре месяца до гибели Ходж застраховал свою жизнь на два миллиона долларов.

Когда речи закончились, Натан Лок, не привлекая ничьего внимания, вышел. Окружив вдов, юристы выражали им искренние соболезнования и сжимали их в своих дружеских объятиях. Митч знаком с женщинами не был, говорить ему было нечего. Он подошел к стене и стал изучать портреты. Рядом с изображением Козински и Ходжа висели еще три, поменьше, но тоже великолепно выполненные. Внимание его привлекло женское лицо. На табличке из бронзы имя: «Элис Наусс, 1948–1977».

– Это была ошибка, – едва слышно сказал Эйвери, подойдя к Митчу.

– Как это следует понимать? – спросил он.

– Типичная женщина-юрист. Пришла к нам из Гарварда, окончила первой на курсе, но, будучи женщиной, несла на себе печать первородного греха. Каждого мужчину она считала женоненавистником и смысл своей жизни видела в борьбе с

половой дискриминацией. Суперсука. Через полгода ее все здесь возненавидели, но никак не могли избавиться. Два компаньона из-за нее ушли на пенсию раньше, чем предполагали это сделать. Миллиган до сих пор винит ее в своем сердечном припадке. Она была приставлена к нему.

– А юристом она была хорошим?

– Очень хорошим, но ее достоинствам было совершенно невозможно воздать должное. Она по любому поводу демонстрировала свою сварливость и вздорность.

– Что с ней случилось?

– Автомобильная катастрофа. В ее машину врезался какой-то пьяный. Это было ужасно.

– Она была первой женщиной в фирме?

– Да, и последней, по крайней мере до тех пор, пока нас не принудят взять на работу вторую решением суда.

Митч кивнул на соседний портрет:

– А это?

– Роберт Лэмм. Был моим другом. Учился в Атланте, он пришел за три года до меня.

– Что произошло?

– Никто не знает. Он был страстным охотником. Как-то зимой мы вместе охотились на лося в Вайоминге. Году в семидесятом он отправился пострелять в Арканзас и там пропал. Его обнаружили через месяц в овраге, с дырой в голове. Вскрытие показало, что пуля вошла в заднюю часть скулы и снесла почти все лицо. Предполагают, что выстрел был произведен с большого расстояния из мощного ружья. Похоже на несчастный случай, но точно никто не знает. Не представляю, чтобы кто-то хотел убить Бобби Лэмма.

«Джон Микел, 1940–1984», – было написано под последним портретом.

– А что случилось с ним? – прошептал Митч.

– Пожалуй, самый трагический случай. У него было не все в порядке со здоровьем, сказывалось постоянное напряжение. Он

много пил и уже перешел на наркотики. Жена ушла от него, был безобразный развод. Фирма в шоке. После десяти лет работы он начал бояться, что не станет компаньоном, выпивки участились. Мы потратили целое состояние на лечение и психиатров, но все зря. Он впал в депрессию, начал думать о самоубийстве. Написал на семи страницах прощальное письмо и сунул дуло в рот.

– Это ужасно.

– Еще бы.

– Где его нашли?

Эйвери откашлялся, повел глазами по залу.

– В твоём кабинете.

– Что?!

– Да, но потом все было вычищено.

– Ты смеешься!

– Я говорю серьезно. С тех пор прошли годы, и кабинетом твоим пользовались неоднократно. Все нормально.

Митч потерял дар речи.

– Ты ведь не суеверен? – спросил Эйвери с неприятной ухмылкой.

– Конечно, нет.

– Может, мне стоило сказать тебе об этом раньше, но мы как-то не заговаривали на эту тему.

– Я могу поменять кабинет?

– Безусловно. Провались на экзамене, и мы переведем тебя к младшему персоналу в подвал.

– Если я провалюсь, то только из-за вас.

– Согласен, но ты же не провалишься, так?

– Если этот экзамен сдавали до меня, то и я сдам.

* * *

С пяти до семи утра в фирме Бендини было тихо и пустынно. Натан Лок прибыл около шести, сразу прошел в свой кабинет и

закрыв дверь. В семь начали приходить сотрудники, стали слышны голоса. К половине восьмого почти все были на своих местах, за исключением нескольких секретарш, а в восемь кабинеты и залы были полны, кругом стоял привычный хаос. Заставить себя сосредоточиться становилось все труднее, отрывали от работы постоянно, телефоны звонили непрерывно. В девять часов все юристы, младший персонал, клерки и секретарши сидели за своими столами или по крайней мере считались приступившими к работе.

Митч дорожил возможностью побыть в одиночестве в ранние утренние часы. Он поставил хронометр на полчаса вперед и будил Датча в пять, а не в полшестого, как прежде. После двух чашек кофе он проходил по темным коридорам, щелкая выключателем и осматривая здание. Временами, когда погода была ясной, он любил постоять у окна в кабинете Ламара, любуясь восходом солнца над гладкими водами Миссисипи, считая баржи, тянущиеся за буксиром, медленно ползущим вверх по течению, следя взглядом за крошечными грузовиками на мосту, виднеющемся вдалеке. Но даром он времени не терял. Он диктовал письма, краткие справки, отчеты, памятные записки и кучу других документов. Нина их печатала, а Эйвери просматривал. Он готовился к экзамену.

Наутро следующего после печальной церемонии дня Митч зашел в зал библиотеки на первом этаже в поисках какого-то учебника, и вновь его внимание привлекли пять портретов. Стоя перед ними, он вспоминал краткие некрологи, услышанные от Эйвери. За пятнадцать лет пять погибших юристов. Эта фирма – опасное место для работы. В блокноте он записал их имена и даты смерти. Было половина шестого утра.

В коридоре послышалось какое-то движение. Митч резко повернулся вправо. В темноте стоял мистер Черные Глаза и смотрел на него.

– Что вы тут делаете? – потребовал объяснений он.

Митч заставил себя улыбнуться:

– Доброе утро. Получается, что я здесь готовлюсь к экзамену.

Лок перевел взгляд на портреты, затем опять на Митча:

– Понятно. А что вы нашли интересного в них?

– Обыкновенное любопытство. Я вижу, в фирме случались и трагедии.

– Все эти люди уже мертвы. А трагедия произойдет, когда вы не сдадите экзамен.

– Я рассчитываю сдать его.

– А я в этом не уверен. Ход вашей подготовки вызывает у компаньонов озабоченность.

– А подписанные счета, которые я в избытке приношу фирме, не вызывают у компаньонов озабоченности?

– Не стоит острить. Вам говорили, что экзамен для вас важнее всего остального. Работник, не имеющий лицензии адвоката, фирме не нужен.

У Митча на языке вертелось несколько достойных ответов, но он оставил их при себе. Лок отступил назад и растворился в темноте. Придя к себе в кабинет, Митч спрятал листок с именами и датами в ящик и раскрыл учебник по конституционному праву.

Глава 10

В субботу после экзамена Митч не поехал в фирму, а, выйдя из дома, принялся копаться в клумбах с цветами и ждать. После окончательного обустройства в дом не стыдно было приглашать гостей, а первыми, конечно, станут родители жены. Всю неделю Эбби занималась чисткой и наведением блеска, теперь наступало ее время. Она обещала, что родители приедут не надолго, максимум на несколько часов. Он обещал быть предельно вежливым.

Митч вымыл и отдраил оба новеньких автомобиля, и они выглядели как в демонстрационном зале. Газон был вычищен соседским мальчишкой. Мистер Райс на протяжении месяца вносил в него удобрения, и теперь трава «начала набирать рост», как он выразился.

Они приехали в полдень, и Митч без всякой охоты отошел от клумб. Улыбнувшись, он поприветствовал их и, извинившись, отправился переодеться. Было видно, что чувствуют они себя неловко, как ему и хотелось. Пока Эбби показывала им обстановку и каждый дюйм обоев, Митч все стоял под душем. На Сазерлендов самое большое впечатление произвели мелочи. Мелочи всегда производят впечатление. Ее родители рассуждали в основном о том, что было в их доме такого, чего нет у других. Отец – президент небольшого окружного банка, который уже лет десять балансировал на грани краха. Мать была «слишком порядочной» для того, чтобы работать, и всю свою сознательную жизнь провела в поисках какой-нибудь значимой социальной деятельности, для которой в их городке и места не было. Она проследила свою родословную, выведя ее из королевского дома какой-то европейской страны, что, безусловно, производило неотразимое впечатление на шахтеров из Дэйнсборо, штат Кентукки. С таким количеством голубой крови в венах судьба предназначила ей пить горячий чай, играть в бридж, болтать о мужниных деньгах, порицать менее удачливых и не

покладая рук работать в клубе садоводов. Ее супруг был обыкновенной марионеткой, вскакивающей, как только она начинала рывкать на него; он жил в постоянном страхе вызвать в ней гнев. С момента рождения дочери они неумолимо вбивали ей в голову, что главное в жизни – быть лучше всех, добиваться больше всех, а самое главное – выйти замуж удачнее всех. Дочь взбунтовалась и вышла за бедного парня, у которого вся семья состояла из полусумасшедшей матери и брата-преступника.

– Неплохое у вас тут местечко, Митч, – попытался сломать лед молчания мистер Сазерленд.

Они сидели за столом и передавали друг другу блюда.

– Спасибо.

Больше ничего, только «спасибо». Он не поднимал головы от тарелки. Его улыбки они за обедом не увидят. Чем меньше он будет говорить, тем более неловко они будут себя чувствовать. А он хотел, чтобы они ощутили себя не в своей тарелке, ощутили свою вину, свои ошибки. Он хотел, чтобы они истекали потом и кровью. Это же они сами решили бойкотировать свадьбу. Камень брошен ими, а не им.

– Здесь так уютно, – произнесла мать, обращаясь неизвестно к кому.

– Спасибо.

– Мы так гордимся всем этим, мама, – пришла на помощь матери Эбби.

У них тут же завязался разговор о внутреннем убранстве дома. Мужчины ели в молчании, а женщины рассуждали о том, во что дизайнер превратил эту комнату, во что – другую. Иногда Эбби от отчаяния была готова заполнять паузы любой пришедшей в голову чушью. Митчу становилось жаль ее в такие мгновения, но он упрямо не отрывал глаз от скатерти. Сгущавшийся над столом воздух, казалось, можно было резать ножом.

– Так, значит, ты нашла работу? – задала вопрос миссис Сазерленд.

– Да. Я приступаю в следующий понедельник. Буду учить третьеклассников в епископальной школе при церкви Святого Андрея.

– Преподаванием много не заработаешь, – буркнул ее отец.

«Он безжалостен», – подумал Митч.

– Меня не очень беспокоят деньги, пап. Я учитель, и эта профессия мне кажется самой важной в мире. Если бы я думала о деньгах, я бы выучилась на врача.

– Третьеклассники – самый бойкий возраст. Тебе и самой скоро захочется детей, – заметила мать.

Митч давно уже сделал для себя вывод: если есть что-то, что будет привлекать этих людей в Мемфис, то это прежде всего дети, их внуки. И тогда же он решил, что у него есть время подождать. Никогда ему не приходилось быть рядом с детьми: у него не было племянников или племянниц, за исключением, может быть, тех, которых раскидал его братец Рэй по всей стране. И никакой особой тяги к детям он не испытывал.

– Может быть, через несколько лет, мама.

«Может быть, когда вы умрете», – подумал Митч.

– Ты же хочешь детей, Митч? – спросила теща.

– Возможно, через несколько лет.

Мистер Сазерленд отодвинул тарелку и зажег сигарету. Вопрос о курении неоднократно обсуждался до их приезда. Митч настаивал на том, чтобы в доме вообще не курили, а они – в особенности. Спор этот выиграла Эбби.

– А как твой экзамен? – спросил тесть.

«Это уже интереснее», – подумал Митч и ответил:

– Изнурительный.

– Но ты его сдал?

– Надеюсь.

– Когда это станет известно?

– Через месяц-полтора.

– Сколько он длился?

– Четыре дня.

– После того как мы переехали сюда, он был занят только учебой и работой, больше ничем, – сказала Эбби. – Этим летом я его почти не видела.

Митч улыбнулся жене. Его постоянное отсутствие стало больной темой, и теперь ему было забавно слышать слова, в которые она облакала свое прощение.

– Что будет, если ты не сдашь его? – спросил ее отец.

– Не знаю. Я об этом не думал.

– А если сдашь, оклад повысят?

Митч решил быть вежливым, как и обещал. Но удавалось ему это с трудом.

– Да, будет повышение оклада и неплохая премия.

– Сколько всего юристов в фирме?

– Сорок.

– Боже мой! – воскликнула миссис Сазерленд, закуривая. – Это больше, чем у нас в округе.

– Где она расположена? – спросил мистер Сазерленд.

– В центре.

– Мы можем поехать посмотреть? – спросила теща.

– Лучше в другой раз. По воскресеньям фирма закрыта для посетителей. – Митч сам изумился своему ответу. «Закрыта для посетителей!»! Как будто это музей.

Эбби почувствовала надвигающуюся катастрофу и быстро перевела разговор на церковь, в которую они с Митчем ходят. В церкви четыре тысячи прихожан. Она поет в хоре и учит восьмилеток в воскресной школе. Митч ходит в церковь, когда он не на работе, а ему приходится работать почти каждое воскресенье.

– Я рад узнать, что ты посещаешь церковь, Эбби, – благочестиво сказал ее отец.

Вот уже многие годы он руководил хором по воскресеньям в Первой методистской церкви в Дэйнсборо, а остальные шесть дней в неделю безраздельно отдавал жадности и финансовым махинациям.

Кроме того, он столь же упорно, но еще более осмотрительно увлекался виски и женщинами.

В беседе случилась заминка, наступило неловкое молчание. Тесть закурил другую сигарету. «Кури, старина, – подумал Митч, – кури больше».

– А для десерта давайте перейдем во внутренний дворик, – предложила Эбби, начиная убирать со стола.

Они стали расхваливать подстриженную зелень и Митча – такого умелого садовода. Митчу оставалось только проглотить эту похвалу. Тот же соседский мальчишка подрезал деревья, вылол сорняки, подравнивал живые изгороди, выложил камешки по периметру внутреннего дворика. Сам Митч научился пока лишь выдергивать сорную траву и убирать за Хорси. Мог разве что еще управиться с дождевальнoй установкой, но, как правило, предоставлял это мистеру Райсу.

Эбби принесла слоеный торт с земляникой и кофе. С беспомощным видом она посматривала на мужа, но тот хранил полную невозмутимость.

– У вас действительно здесь очень и очень неплохо, – произнес ее отец вот уже в третий раз, обводя глазами прилегающий к дому двор. Митч ясно представил, как в голове его проворачиваются шестеренки – он сравнивал размеры их дома с домами соседей и умирал от желания узнать: во сколько же это все обошлось? Каков был первый взнос? Сколько платить в месяц, черт побери? Вот что ему нужно знать. Он так и будет водить своим носом, поджидая момент, чтобы спросить напрямик.

– Чудное местечко, – заметила мать раз, наверное, в десятый.

– Когда дом был построен? – задал вопрос отец.

Митч поставил чашку на стол и кашлянул. Он чувствовал, что долго не продержится.

– Ему около пятнадцати лет, – ответил он.

– А площадь?

– Примерно три тысячи квадратных футов, – несколько нервно вступила Эбби.

Митч бросил на нее взгляд. Самообладание его улетучивалось.

– У вас хорошие соседи, – сказала мать, надеясь поддержать иссякающий разговор.

– Новый заем, или вы взяли всю сумму на себя? – Отец говорил так, как будто опрашивал человека, желающего получить ссуду, о его дополнительных источниках доходов.

– Новый заем, – ответил Митч и замолчал в ожидании.

Эбби молча молилась и тоже ждала чего-то.

Мистер Сазерленд не ждал, не мог ждать.

– Сколько вы за него заплатили?

Митч набрал полную грудь воздуха и был уже готов ответить: «Слишком много», но его опередила Эбби.

– Не очень много, папа, – чуть нахмурившись, твердо сказала она. – Мы уже научились обращаться с деньгами.

Митч улыбнулся, прикусив язык.

Миссис Сазерленд поднялась:

– Давайте прокатимся, а? Я хочу посмотреть на реку и на ту новую пирамиду, что они построили на берегу. Поехали, Гарольд.

Гарольду хотелось получить побольше информации о доме, но на его руке уже повисла супруга.

– Отличная идея, – согласилась Эбби.

Усевшись в сверкающий «БМВ», все поехали любоваться рекой. Эбби попросила родителей не курить в новом автомобиле. Митч за рулем молчал и очень старался быть вежливым.

Глава 11

Нина ворвалась в кабинет с пачкой бумаг и вывалила их Митчу на стол.

– Мне нужны ваши подписи, – потребовала она, вручая ему перо.

– Что это? – спросил Митч, покорно расписываясь.

– Не спрашивайте. Доверьтесь мне.

– Я обнаружил опечатку в соглашении компании «Лэндмарк партнерс».

– Это компьютер.

– Хорошо. Проверьте программу.

– Как долго вы собираетесь сегодня работать?

Митч окинул взглядом документы, вздохнул:

– Не знаю. А в чем дело?

– У вас усталый вид. Идите-ка домой пораньше и отдохните. Ваши глаза все больше становятся похожими на глаза Натана Лока.

– Очень смешно.

– Звонила ваша жена.

– Я перезвоню ей через минуту.

Когда он поставил последнюю подпись, Нина собрала письма и документы.

– Пять часов. Я ухожу. В библиотеке первого этажа вас ждет Оливер Ламберт.

– Оливер Ламберт? Ждет меня?

– Именно это я и сказала. Он звонил минут пять назад. Сказал, это очень важно.

Митч подтянул галстук и направился по коридору, затем вниз по лестнице и небрежной походкой вошел в библиотеку. За столом сидели Ламберт, Эйвери и почти все остальные компаньоны фирмы. Стоя за их спинами, присутствовали также все сотрудники. Место во главе стола было пустым – кого-то ждали. Тишина в зале стояла почти торжественная. Никаких улыбок. Ламар стоял неподалеку, но

избегал его взгляда. Эйвери выглядел застенчиво и смущенно. Уолли Хадсон крутил конец своего галстука-бабочки и медленно покачивал головой.

– Садись, Митч, – мрачно начал мистер Ламберт. – Нам нужно кое-что обсудить с тобой.

Дуг Терни закрыл дверь.

Митч сел и обвел глазами присутствующих, рассчитывая встретить хоть один приободряющий взгляд. Ни одного. Сидя в креслах на колесиках, компаньоны приближались к нему, сжимая круг. Обступали сотрудники, опустив головы и глядя в пол.

– Что происходит? – спросил он, в беспомощности уставившись на Эйвери. Капельки пота стали проступать на его лбу, сердце стучало как отбойный молоток, дыхание стало затрудненным.

Опершись о стол, Ламберт снял очки. Он чуть нахмурился, как бы испытывая боль.

– Нам только что звонили из Нашвилла, Митч, и мы хотим поговорить с тобой об этом.

Экзамен. Экзамен на адвоката. Экзамен. Он вошел в историю. Сотрудник великой фирмы Бендини провалил-таки экзамен на адвоката. Он не сводил глаз с Эйвери, ему хотелось кричать: «Это твоя вина!» Тот потирал виски и брови, как бы мучаясь мигренью, избегая зрительного контакта. Ламберт подозрительным взглядом обвел компаньонов и повернулся к Митчу:

– Мы этого опасались, Митч.

Митчу захотелось сказать что-то, объяснить им, что он заслужил еще одну попытку, что через шесть месяцев он сдаст его с блеском, что уж во второй-то раз он их никак не подведет. Он почувствовал тупую боль в животе.

– Да, сэр, – покорно выговорил он, совершенно опустошенный.

Ламберт сделал еще один шаг к нему, чтобы нанести последний удар.

– Мы не знаем деталей, но люди из Нашвилла сообщили нам, что по итогам экзамена у тебя высший балл. Поздравляем вас, господин

адвокат!

В зале загремел смех и приветственные возгласы. Ему жали руки, хлопали по спине, хохотали вместе с ним. Растолкав всех, к Митчу прорвался Эйвери, своим носовым платком он стал вытирать его мокрый лоб. Кендалл Махан со стуком выставил на стол три бутылки шампанского и стал открывать их. По кругу пошли пластиковые стаканчики. Наконец Митч отдышался, к нему вернулась его улыбка. Он залпом выпил шампанское, и ему тут же налили еще.

Оливер Ламберт, мягким движением положив руку ему на шею, сказал:

– Митч, мы гордимся тобой. Это заслуживает маленького поощрения. У меня с собой чек от имени фирмы, на сумму в две тысячи долларов. Я вручаю тебе его как скромную награду за твои достижения.

Вновь раздались одобрителльные свистки и выкрики.

– Безусловно, это лишь дополнение к ощутимому повышению оклада, ты его заслужил.

Опять одобрителльный шум. Митч принял чек, даже не посмотрев на него.

Мистер Ламберт поднял вверх руку, требуя тишины:

– Фирма уполномочила меня сделать следующий подарок.

Ламар подал ему завернутый в коричневую бумагу пакет. Мистер Ламберт сорвал ее и бросил на стол.

– Этот памятный знак мы приготовили специально к такому дню. Как видишь, это покрытая бронзой точная копия канцелярского стола нашей фирмы, а на крышке его – имена всех здесь присутствующих. И сам можешь убедиться, чье имя наверху – Митчел И. Макдир.

В смущении Митч встал и неловко принял подарок. Он уже окончательно пришел в себя – шампанское помогло.

– Благодарю вас, – негромко сказал он.

Через три дня городская газета опубликовала имена тех, кто сдал экзамен. Эбби вырезала заметку, а родителям и Рэю послала по экземпляру.

В трех кварталах от фирмы, между Франт-стрит и набережной, Митч обнаружил небольшой ресторанчик. Это было темноватое помещение с немногочисленными посетителями, подавали здесь сосиски с острым томатным соусом. Ему понравилось это местечко, где можно было за едой лишний раз просмотреть тот или иной документ. Теперь, когда Митч стал полноправным сотрудником, он мог позволить себе есть сосиски на обед и выписывать счета исходя из ставки в сто пятьдесят долларов в час.

Через неделю после того, как его имя появилось в газете, Митч сидел в самом темном углу зальчика и ел сосиски с острейшим соусом. Кроме него, в ресторане никого не было. Митч пролистывал папку с деловым предложением, а владелец ресторанчика, грек, сидел за кассой и дремал.

Вошедший с улицы человек остановился неподалеку от стола Митча и начал разворачивать пластинку жевательной резинки, стараясь произвести при этом как можно больше шума. Убедившись в том, что за ним никто не наблюдает, мужчина сделал еще шаг и оказался напротив Митча. Подняв голову, Митч посмотрел на незнакомца и положил папку рядом с чашкой ледяного чая.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил он.

Мужчина бросил взгляд на посапывающего грека, на пустые столики, обернувшись, посмотрел на ту часть зала, что была у него за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

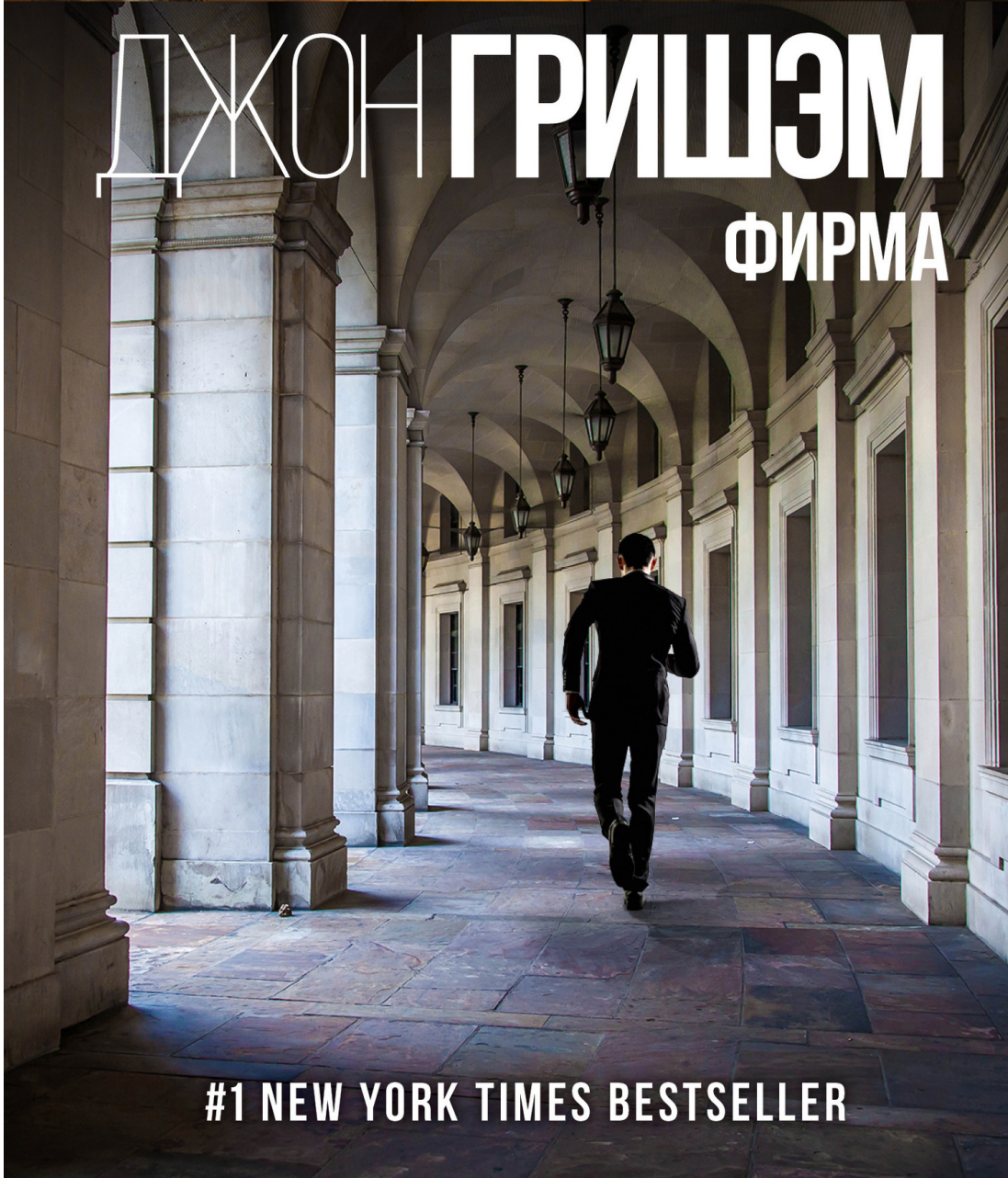
Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДЖОН ГРИШЭМ

ФИРМА

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

1

Джо Намас – известный игрок в американский футбол. – *Здесь и далее примеч. пер.*

[Вернуться](#)

2

По Фаренгейту. Примерно +37°.

[Вернуться](#)